

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

Большой Кинель

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ
К ДАЛЕКОМУ
СИНЕМУ МОРЮ

FUTURE CORP.

Метро

Дмитрий Манасыпов

К далекому синему морю

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Манасыпов Д. Ю.

К далекому синему морю / Д. Ю. Манасыпов — «АСТ»,
2016 — (Метро)

ISBN 978-5-17-095444-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Идя дорогой стали, он встал на тропу смерти, но, не пройдя и шага, нашел надежду. Новую надежду и новый путь. Опасный, сложный путь, ведущий к тем, дорожке кого просто нет. Туда, где он так давно не был. К далекому синему морю. Но для того чтобы пройти этот путь до конца, ему придется сперва разобраться с прошлым. Ведь оно, подобно затаившейся змее, может в самый неожиданный момент нанести смертельный удар...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095444-5

© Манасыпов Д. Ю., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Куда ж вы все претесь-то?	8
Дом у дороги	10
Глава 1	12
Дом у дороги-2	28
Глава 2	30
Дом у дороги-3	41
Глава 3	43
Дом у дороги-4	56
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дмитрий Манасыпов

К далекому синему морю

*Жизнь похожа на бой без правил.
Не всегда побеждает тот, кто первым ударил.
И если сегодня ты победил.
То хватит ли завтра воли и сил?!*

«Не говори», Черный Обелиск

Автор идеи – Дмитрий Глуховский
Карта – Леонид Добкач, Илья Волков

Куда ж вы все претесь-то? Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Устал я что-то. Даже ванговать лень, глядя из заканчивающегося у меня 2015-го в ваш (надеюсь) прекрасный 2016-й. А с другой стороны, как-то мне чем дальше, тем более фиолетово, кто там будет править в Сирии, чем закончится меряние одного престарелого джентльмена амбициями со всем миром и действительно ли изо всех возможных курортов соотечественникам останется (в добровольно-принудительном порядке) только тот единственный, который наш. Пусть такая позиция, если подумать, и совершенно неправильная, а вот фиолетово, хоть ты тресни.

Задумался же я нынче вот на какую тему: отчего это у нас в серии какого героя ни возьми, сплошь натура деятельная и кипучая, что та пачка дрожжей, брошенная в сельский нужник? Непоседы и бунтари, вечно испытывающие в известной части организма острый зуд преобразователя вселенной (каламбур, однако!). Все-то им позарез надо куда-нибудь... по следам приснопамятного пастыря Макара с его молодыми парнокопытными. Одному за приключениями, другому за безопасностью, третьему за любовью, четвертому за мстостью, пятому за куском пожирнее, шестому за [действительно помогающим] очистителем совести, а какому-нибудь семь тыщ триста пятнадцатому – и вовсе за «звездой кочевой, не гадая». А если погадать или хотя бы подумать сначала?

Помните, ближе к концу прелестной отечественной экранизации трэверсовской «Мэри Поппинс» был диалог Мистера Эй и Леди Совершенство? «Но я иду бороться с несправедливостью!» – «Но не слишком ли далеко вы собрались?»

Вот уж ни убавить, ни прибавить!

Опасаясь вызвать праведный гнев почтеннейшей публики, и все же продолжу. Благо, чтоб мою карму испортить еще сильнее, изрядно попотеть придется.

Друзья-бунтари и коллеги-бродяги. Вы, которым на месте не то что не сидится, но и ничего полезного, увы, также не делается. Вы, вечно рвущиеся – допустим даже, исключительно с чистыми и бескорыстными помыслами, – в самые далекие края. Вы, потомки и продолжатели славного дела легиона «спасателей», «кормителей», «просветителей», «восстановителей» и «освободителей» всех и вся где-нибудь подальше, на задворках Ойкумены, где сплошь драконы и псеглавцы.

У вас дома – как?

Все ли голодные сыты, все ли скорбные утешены и все ли заблудшие свет узрели? А злодеи местные наказаны – все? А воры (и в исконном смысле этого слова, и в нынешнем) да дураки из властных структур все ли изгнаны?

В общем, дорогой мой народ-богоносец, он же богоборец, не пора ли оставить дела дальних – дальним? Или, по крайней мере, у себя навести порядок прежде, чем пытаться упорядочивать всё и вся в чуждых пределах?

Повзрослеть – не пора? Ведь взрослость, она не количеством седин-годин-морщин меряется. Отнюдь. Ее единица исчисления – ответственность. За свои поступки, за своих детей, за свой дом, за дела соотечественников и правителей, наконец. Нет ничего проще, чем сказать: «Тут, на родине, все плохо. И всегда было плохо. И всегда будет, скорее всего». Сказать – и отчалить куда-нибудь подальше. Но знаете что? Чем больше людей станут рассуждать и поступать схожим образом, тем больше правды окажется в утверждении, изложенном выше. Действительно – и было, и есть, и будет.

Так что когда вы слышите в очередной раз «это меня не касается», «да что я могу», «все равно ничего не изменишь», когда видите очередного Данко, рвущегося своим пылающим

сердцем светить кому угодно, лишь бы подальше от родных берез, осин и баобабов, знайте – этот человек еще маленький и незрелый.

Как бы он ни выглядел.

Дом у дороги

Кирпичная стена. Старая, с вывалившимися кусками. С полустертой звездой на облезших воротах. С еле заметными номером войсковой части и двуглавым орлом. Завалившееся двухэтажное здание у КПП. Жирная грязь под ногами. Парок озябшего дыхания. Ярость, закипающая внутри. Ярость, плавно перетекающая в опасность. Опасность, колюче поблескивающая черными гранями злобы, превращающаяся в смерть.

Смерть, лениво и тихо, приближалась к бывшему учебному центру войсковой части. Кралась под шелестящими потоками, низвергающимися с неба. Хитро смотрела темными провалами на рыжие всполохи за стеной. Пряталась за ревом ворочавшейся грозы.

Тучи ворчали, грохотали, полыхали изнутри, наползая друг на друга. Молнии били белыми сияющими вилами. Протыкали черную брюховину неба, жалили землю. С треском, слышимым даже за громом, полыхало дерево. Алое пламя не залить молоком черной коровы. Не залить и дождем. Особенно если вместо воды с неба стегают острыми плетью кислота.

– Чертова ночь... – Чолокян почесал заросший подбородок, покосился в широкую темноту пустого окна, – чертова.

Молния полыхнула еще раз. Воткнулась ломаными росчерками куда-то за разрушенную стену. Осветила голубым темноту на втором этаже большого ангара. Смешалась с багровыми отсветами пламени, лениво ворочавшегося в двух обрезанных железных бочках.

– Такой ночь дома сидеть хорошо, – Чолокян покопался в сумке, достал кусок вяленого мяса и начал неторопливо жевать, – а приходится здесь торчать. Нормально?

Никто не ответил. Силы у людей кончились, когда они месили грязь по дороге сюда. Острый запах аммиака, признак кислотного дождя, смешавшегося с обычным, гнал вперед. Сейчас каждый сидел и отдыхал. Кто как. Людей в ангаре собралось много, человек десять.

– Да и черт с вами... – проворчал, сражаясь с жесткими волокнами, Чолокян, – сидите тут, как бирюки. Пойду к лошадям схожу.

Ржавая, но пока крепкая лестница закрипела под его шагами. Внизу, подсвеченные еще одной рыже-огненной бочкой, фыркали, сопели, хрустели кормом лошади. Их было всего пять – три вьючные и две верховые. Самого Чолокяна и его спутника. Вернее, спутницы. Тоненькой и замерзшей молодой девчушки, кутавшейся в солдатское синее одеяло у костров. Чолокян, недавно купивший жену, бухтел матерками, глядя наверх, и подкидывал корма своим четвероногим любимцам.

– Скотину жалеет, есть дает, – проворчало что-то мягко-пухлое, закутанное поверх рваного резинового плаща в уйму лохмотьев, – нет бы людям подкинул чего...

– Я тебе сейчас таких свежих и горячих накидаю, отказываться заколебешься! – рявкнул снизу Чолокян. – Ты кто такой, чтобы я тебя кормил, а?

«Мягкое», то ли мужик, то ли баба, заткнулось и спрятало личико, еле видимое в свете пламени, куда-то в свое тряпье.

– Не собачься, крещеный, – устало повысил голос здоровенный мужик в теплом армейском бушлате, растягивающий на перилах ОЗК, – не то время.

Чолокян, ругавшийся под нос по-армянски, спорить не стал. Дядька внушал уважение ростом, шириной плеч и выражением единственного глаза. Второй, слезящийся и запавший, пересекал жуткий шрам. Тоже внушавший уважение. Как и двуствольный вертикальный «ИЖ».

– Сейчас сообразим, Сережка, чего поесть, – дядька подмигнул мальцу, прицепившемуся к нему где-то в Абинске, тех трех кварталах, что остались. – И с другими поделимся.

– Добрый ты какой... – высокая, не годам гибкая женщина с седыми волосами усмехнулась. Волосы серебрились даже в плохом освещении. – С чего вдруг?

Дядька не ответил, начав заниматься куртешкой мальчика. Сережка, живой пострел лет двенадцати, смотрел на него во все глаза. Он порывался помочь, но мужик, явно чего-то опасавшийся, запретил ему вставать с лежанки и укутал в плащ-палатку. Мальчонка, привалившись к рюкзаку, порой кашлял.

– Ну-ну, – седая усмехнулась, блеснув оставшимися зубами. Прореха во рту темнела внушительно. – Еще и заботливый...

Дядька повернулся. Красивым и опасным движением матерого хищника. «Мягкое», кутавшееся в отрепья, замерло. Замер Чолокян, даже не опустив ногу на ступеньку. Замерла его супруга. Замерли остальные. А вот седая плевать хотела на красивую хищность. Только положила руку на роговую рукоять выгнутого большого ножа, сделанного из автомобильной рессоры.

– Я не добрый, – дядька усмехнулся, – просто не такой злой, как ты... Багира.

Седая вздрогнула. Да так, что даже подбородок дернулся в сторону. Пальцы, сжимающие рукоять, разжались. Одноглазый кивнул и бросил ей плоскую банку.

– Чертова ночь, – повторил Чолокян, сев рядом с женой и погладив ее по плечу. Свою верховую он гладил куда нежнее. – Не надо ссориться. Место плохое.

– Все у тебя плохое и чертово. – Коренастый седобородый дед, одетый в что-то, больше всего напоминающее тулуп, развязал горло вещмешка. Качнулся, блеснув отсветами пламени, большой крест. – Вот, братие и сестры, к общей трапезе. Не порезуйте.

Чолокян, потянув носом, замер. Запах, что и говорить, не казался приятным. По первости и для тех, кто его не понимал. Чолокян понимал. Темная старая ладонь держала густо пахнущий козий сыр. Крепкое запястье, уже покрытое пигментными пятнами, обвивали четки.

– Тебя-то, отец, куда понесло? – женщина, названная одноглазым Багирой, вздохнула. – Ты же из ахтырской церкви?

– Храма, дочка, – поправил ее священник, – а звать меня Евдокимом. Приживался я там, теперь решил дальше пойти. Вера сейчас-то ой как нужна. Без нее, что говорить, плохо людям. Души слабеют, а где душа ослабела, там и тело гибнет. Угощайтесь, мне вот добрые женщины на дорогу собрали. Недалеко только ушел.

– Вера... – одноглазый хмыкнул. – Тело слабеет от недостатка витаминов, нормального белка, болезней и...

– Дайте поесть уже, – фыркнуло «нечто» и потянулось к перевернутому пластиковому ящику, где уже кто-то незаметный резал сыр. – Вера, тело... жрать хочется.

Отец Евдоким вздохнул:

– Вера должна быть. Она же вперед нас движет, заставляет в даль смотреть...

Глава 1

Долгая дорога к дюнам

*Самарская обл., город Отрадный
(координаты: 53°22'00" с. ш. 51°21'00" в. д.),
2033 год от РХ*

Грохотало. Снаряды, разрываясь, крошили кору, рубили ветки. Свистели осколками вокруг, изредка вспарывая землю совсем рядом. Остро несло порохом. И кровью. В том числе и его.

Холодало. Замерзшая земля резала тело. Кружась, медленно и плавно, падали снежинки. Ложились, блестя узорчатой белизной, закрывая грязь. Первые вестницы грядущей зимы. Ровно и мягко покрывали все вокруг белым ковром. Не таяли даже на лице, практически остывшем.

Он плыл вместе с ними, так же тихо и спокойно. Закрывая глаза и засыпая. Боль осталась позади. Боль отпустила, из острой кромки ножа, полосующего тело, превратившись в пульсирующий алый коридор. Воздух, крошащийся льдинками снаружи, здесь колыхался мягкими теплыми волнами. Заставлял нырять в покой и тепло, глубоко и безвозвратно.

Тихая глубина засасывала. Обхватывала со всех сторон, ласково сжимала и утаскивала все дальше. И потом неожиданно устремилась вверх. Он улыбнулся, все понимая и глядя вниз, на такое ненужное и хрупкое тело. Пора засыпать...

Тепло задрожало. По красному стеклу пробежали еле заметные трещинки. Дрожь стала сильнее, трещины, хрустя, разбегались все шире. Он хотел закричать, помешать, не допустить, совершенно не желая останавливаться. Не получилось. Сияющий холодом мир ворвался внутрь, разорвал теплый персональный тоннель покоя. Разнес к чертям и в клочья мозаику, переливающуюся добром и всеми оттенками алого. И вот тогда...

Морхольд захрипел, взвыл, надрывая связки. Вцепился в мерзлую землю, ломая ногти и раскрывая рот. Забился, жадно хватая воздух всей грудью, захлебываясь в страшном кашле. Перевернулся, ничего не видя, растерянно тыкая руками вокруг.

Над головой грохотало и свистело. Бой явно не думал заканчиваться. И пора убраться отсюда. Раз уж не вышло помереть.

Рука наткнулась на что-то покрытое снегом, свалывшееся и мохнатое. А, да, чертов кот чертова башкира. Морхольд, раскорячившись черепахой, встал на четвереньки. Боль вернулась. Боль пронзила насквозь. От лопаток и до самых пяток. Он стиснул зубы, мотая головой и воя от нее, безбрежной и яростной. Надо, надо двигаться. Чертов кот...

Чертов кот оказался тяжелым. Отползать, таща лохматую зубастую скотину, оказалось нелегко. Но кошка явно не так мертв, как казался. Во всяком случае, почему-то хотелось в это верить. Морхольд нащупал толстый кривой сук, схватился покрепче, плюнув на проткнувшие ладонь острые шипы. Взвыл еще раз, вставая на ноги. И, волоча за шкирку волосатую и усатую подлюку, шатаясь и не чуя левую ногу, двинул отсюда к чертовой матери.

Кто и кого побеждал? Да все равно.

Убралась ли Даша и ее новые спутники? Да накласть.

Все потом. Сейчас надо еще раз выжить. Раз уж почему-то не вышло помереть.

Согнутая фигура, ковыляя и прижимаясь к деревьям, уходила в белую отвесную стену снега.

* * *

Снег угомонился к ночи. Разом взял и перестал валить. И даже начал таять. На небе, как и обычно, клубилось и густело серое и непроглядное.

Костерок, разведенный от одной из трех оставшихся спичек, трещал в ямке. Укрывшись под длинными корнями наполовину вывороченного дерева, Морхольд сопел и потел. Боль не проходила. Но хотя бы не стреляли вокруг. И вряд ли кто сейчас станет его искать.

Кот, и верно оказавшийся живым, блестел оставшимся глазом и еле заметно подрагивал усами.

– Морда... – Морхольд вздохнул, – куда так отожрался?

Кот не ответил, чего и следовало ожидать. Еле слышно мявкнул чего-то и закрыл глаз.

– Спи, рожа... – Морхольд матюгнулся, – а я вот хренушки усну, судя по всему. Дожил, с котом разговариваю.

Кот не шевелился. Чуть подрагивало одно ухо, рваное, но зато с уцелевшей кисточкой на самом кончике. Морхольд, шипя, вытянул левую ногу. Спину прострелило от самой середины, ударило эхом до колена. Неожиданно захотелось стать маленьким мальчиком, уткнуться маме в грудь и поплакать.

– Твою за ногу... – он выдохнул, зябко поежившись. Костерка-таки не хватало для тепла. Зубы пока не стучали, но надолго такое счастье?

Он сгреб редкую сухую листву, устроив лежбище. Прислонился спиной к корням, закрыв глаза. Хорошо, куртка более-менее уцелела. Хотя прорех в ней столько, что в пору называть ее решетом. Холодно, сука. Голодно, мерзко, больно... Да и вообще... каково оно, осознать, что умирает?

Морхольд что-то шептал под нос, совершенно не понимая, что организм все-таки сдался и начал засыпать. Последняя мысль крутилась вокруг холода и возможного воспаления внутренних органов. Потом она преобразилась в шуршащую упаковку самого настоящего «Сникерс кинг-сайз» и разорвалась фейерверком на день Победы.

* * *

Проснулся он от нескольких желаний сразу. Хотелось, ни много ни мало, а есть, ссать и выпить таблетку «нурофена». Или еще какого обезболивающего. Потому как боль, спрятавшаяся на ночь, вернулась. Морхольд зашипел, заставив все так же дрыхнувшего кота открыть глаз. Судя по чистой шерсти на боку, животина за ночь ни разу не перевернулась.

– ..., твою ... и ... в ... на ... Распрямить твои кудряшки, – он отхромал подальше, злясь на ненужные вроде бы правила приличия. Кого тут стыдиться, кота?!

Хотя, уже возвращаясь назад, понял, что поступил правильно. Не гадь там, где ешь. Или живешь. Пусть даже в их с котом пещерке они и не жили, и с едой туго. Один хрен, нечего расслабляться. Тем более, что идти, неожиданно, стало легче.

Еще вчера, добравшись сюда и разведя костер, Морхольд попробовал немного разобраться в собственных повреждениях. Выходило не особо хорошо, но не так страшно, как казалось. Глаз пришлось прикрыть повязкой из чудом оставшегося на поясе остатка прокипяченного бинта. Левая ладонь превратилась в отбивную, совсем как после удара кухонным молотком. Первого удара, когда мясо еще не в лохмотья, но... и этого хватает. Ну очень неудобно и больно. Скорее всего, два оставшихся ногтя слетят к чертовой бабушке в течение пары дней. Но, самое главное, на спине крови не оказалось.

Значит, что? Приложило волной от взорвавшегося снаряда хрен пойми откуда взявшегося танка, да-да. Впечатало в одно из ближайших деревьев, такие дела. Позвоночник подо-

зрительно шелкал и хрустел, и поневоле становилось не по себе. Да и черт с ним. Живой, относительно целый. Все остальное... ерунда, война план покажет.

– Э, кошастый, жрать хочешь? – Морхольд покрутил головой, отыскивая необходимое. Кот, как ни странно, смотрел на него заинтересованно. Даже, как показалось, понимающе.

– Ты б хоть мякнул, что ль, если согласен... – Морхольд довольно кивнул, обнаружив искомое. А кот коротко и приглушенно муркнул. Прямо как БТР.

Снег полностью все же не растаял. Так, лежал белыми пятнами там и сям. Солнце, понятное дело, не выглядывало. Но холодная корка заметно сокращалась. Это хорошо, глядишь, вода покажется не такой и холодной. Какая вода? Морхольд поежился.

Река находилась недалеко. Пусть сейчас она и не бежала так быстро, чтобы услышать, но в этом он не сомневался. Ее Морхольд чувствовал сразу. С самого детства. И вода сейчас ох как нужна. Потому что еду взять негде.

Из съедобного рядом оказался лишь одинокий куст рябины. Красные ягоды радостно горели на ветках, густо обсыпав их алыми россыпями. А толку? Он же не снегирь или синица, чтобы наестся этой вот красивой горечью.

Да и кота стоит покормить. Мышковать или, того пуще, поймать птицу себе по размеру кошка сможет не скоро. Раз так, нечего торчать дуб дубом и ждать манны небесной. Пусть и способ, которым стоило добыть пожрать, применялся на его веку всего пару раз. И то не им самим.

Морхольд подкинул сушняка, собранного еще ночью и лежавшего поодаль от костерка, выпаривая влагу. Огонь пригодится. Ненадолго придется вернуться в каменный век, честное благородное слово.

Выдаст их дым? Нет, не выдаст. В этом Морхольд не сомневался. Дым стлался над землей, теряясь в корнях и не поднимаясь вверх. Птиц вокруг не оказалось, не вспугнешь. Да и кот чужих-опасных почует. Как и любой усато-полосатый – пусть и сильно ранен, но бдителен. Точно-точно, вон, ухо еле заметно крутится локатором. И хорошо, такую сигнализацию и за цинк «семерки» просто так не купишь.

Замеченную ветвь, относительно прямую и вполне крепкую, ломал уже не таясь. Древесина, упругая и сильная, поддаваться не желала. Но бороться не смогла и отступила, наградив длинной, по плечо и толщиной с запястье необходимой снастью. Пусть пока еще и в виде полуфабриката. Глаза боятся, руки делают.

Среди редких оставшихся при нем вещей сохранился один, крайне важный, предмет. Тот, без которого пришлось бы тяжело. Нож. Короткий, широкий и крепкий. Сохранился только благодаря куртке, где сталь постоянно спала во внутреннем кармане на груди. Пользоваться им выпадало нечасто, но вот и пригодился.

Так... рядом обнаружилось полезное переплетение корней. Высокое, чуть не по колено. И очень удачно вышло закрепить там эту самую палку. Так, чтобы она поменьше вертелась. Что еще?

Шнур, скрепя сердце и плюя на собственную алчную жабу, пришлось выпарывать из многотрадной куртки. Крепкий, стянутый из синтетических нитей, он утягивал живот Морхольда, и таким способом приходилось пользоваться давно. В спокойные сытые месяцы живот упорно старался подрасти. Ничего, сейчас – тоже весьма нередкие дни – лишнее уйдет быстро. Так что сильно жалеть не стоило.

Короткий и плотный сучок валялся прямо под ногами. Пригодится. Морхольд, поморщившись от чуть колыхнувшейся боли, примерился и взялся за дело. Дело оказалось небыстрым и непростым. Что поделать, в чем-то ты специалист, в чем-то сущий рукожоп. Так всегда и у всех.

Нож входил в плотное дерево тяжело и адски скрипя. Два первых надреза, крест-накрест, посередине обломанного края. Чуть расширить, вода сталью как пилой, порой подстукивая сучком, стараясь вбить поглубже. Ветка поддавалась с заметной неохотой. Но поддавалась.

Упорно, до рези в ладонях от спинки ножа и шершавой коры сука, взад-вперед, и снова и снова. Нож уже не скрипел, практически стонал. Дерево аккомпанировало чуть тоньше. Но дело шло, как и задумывал. Сталь входила все глубже, добравшись на две трети до нужной глубины.

Приходилось останавливаться и вытирать пот. Тот уже не просто выступал. Катился по лицу и спине градом. Тонкие струйки, противные и липкие, с шеи перебрались на грудь, явственно желая стечь на живот. А вот спина стала болеть меньше. И даже вышло перенести вес на больную ногу. Та даже стала слушаться, не подгибалась.

Время явно перевалило за полдень, низкие тучи прямо посветлели. Растеплило, от снега остались только жирные влажные прогалины. Пар изо рта уже не шел. Взамен явственно парили рукава и, наверное, спина. Зато и дело потихоньку приблизилось к концу.

Когда нож закончил скрипеть, резать им можно было разве что давно пропавшую в природе вареную колбасу. «Докторскую», прочно занесенную в Красную книгу канувших в небытие примет развитой цивилизации. Да и то, возникло сомнение в способности ножа разрезать полиэтилен обертки лезвием. Разве что незатупившимся кончиком.

Придирчиво рассматривая результат, Морхольд довольно хмыкнул. Ну, первый блин вышел не особо комом. Такие... вполне одинаковые четыре рога. Хватило бы ножа, чтобы заострить. Он вздохнул и принялся кромсать дерево снова. Плоские разломаченные концы потихоньку превращались в острые и относительно опасные жала.

Шнур пошел в дело чуть позже. Аккуратно, не перетягивая, Морхольд стянул рога у целой части своей самоделки и пошел к пещерке. Вот что-что, а как посошок эта деревяшка ему точно сгодится.

Кот наконец-то сменил положение. Морхольда он встретил, лежа на пузе. Роскошная шуба и рыжеватый подшерсток делали его даже больше, чем на самом деле.

– Ба, да ты, хвостатый, ожил? – Морхольд сел осторожно, боясь потревожить спину, и сунул конец деревяшки в костер. Подбросил сушняка и приготовился вовремя достать эту вот древнюю снасть.

Кот фыркнул, запах занявшегося дерева ему почему-то не понравился. И не ответил, совершенно не удивив.

Дерево, потрескивая, тлело. Несколько раз поворачивая его, Морхольд пристально всматривался. Да, охотник-неандерталец из него, словами классика, как из козьей жопы труба. Ну, бывает на старуху проруха. Дело-то все равно не бесполезное, да и спорится.

Выхватив чуть вспыхнувшую шнуром палку, он быстро притушил огоньки, сунув в прохший песок на полу. И критично осмотрел творение. Лишнее обгоревшее убрал бедным ножом и хмыкнул. Затея удалась. Обугленные рога стали крепче. Ну, или должны были стать. Из сломанной ветки вышла самая настоящая острога. Рыбацкая древняя острога. Осталось только использовать ее удачно – и будет им с котом счастье. Если и впрямь повезет.

Морхольд встал, покосился на усатого собрата по несчастью. Тот, не сменив позы и загадочно, как только кошки и умеют, смотрел на него. Страшноватое зрелище, что и говорить, когда на тебя смотрит огромный одноглазый саблезубый кот.

– Отдыхай, жопа мохнатая, – Морхольд сплюнул, – а я попробую найти нам жратву. Остаться за старшего. Если что – три зеленых свистка.

Позвоночник, радостно отреагировав на подъем и первые шаги, стрельнул горячим трасирующим. От крестца и до самой пятки. Морхольд сплюнул, с горечью поняв, что уже приывает.

Идти к реке оказалось не так просто. Деревья заканчивались не по-над берегом, отступая на несколько метров. И тут вчерашние упражнения погоды сказались куда сильнее, размыв все, куда дотянулись. Несколько раз приходилось крепко упираться концом остроги в землю, чтобы не упасть, оскользнувшись.

Река катилась себе мимо. Черная, едва заметно блестящая гладкой спиной. Пахло, несмотря на холодок, ее густым запахом. Илом, влагой, чем-то неуловимым, присущим вот таким речкам. Пусть и ставшим в одночасье крайне большими.

Морхольд остановился и покрутил головой. Лезть в холодную воду он не собирался, но отсутствие деревьев могло сыграть плохую шутку.

Неподалеку виднелась ива, накренившаяся над рекой, толстая и длинная. Метров двадцать, ага. Хреновы двадцать метров, что вчера он прошел бы за пару-тройку секунд. А вот сегодня пришлось ковылять целых десять. А уж забраться... Морхольд вздохнул, предвкушая это удовольствие. И полез.

* * *

– Получилось, надо же... – Морхольд поморщился. Ходить, работать, рыбу бить – не так больно, как сидеть. Вот глупость какая... – Слышь, усатый, тебе вкусно?

Кот не отвечал. Старательно уплетал то ли карася, то ли еще какую рыбку и урчал. Морхольд довольно улыбнулся и снова похвалил сам себя. Рыбалка-убивалка удалась. Пусть он и сверзился вниз, вместо того, чтобы прихлопнуть еще одну рыбку.

Одежда сохла у костерка, распяленная на вбитых в землю рогульках-сучьях. Рыбы набил целых пять голов. Или штук? Головы, кстати, кот не ел, видать, брезговал. Все рыбки оказались разными. Морхольд не особо жаловал рыбу до Беды, не говоря о рыбалке. Но все ж таки оказался удивленным. Как-то водоплавающие совершенно не напоминали тех, из детства.

Кот самозабвенно приканчивал половину третьей рыбки. Поделил прямо по-братски: коту полторы и ему полторы. Разве что размеры разные. Свою порцию, недолго думая и выпотрошив, запек в углях. Отрезал мерзковатые зубастые головы, обмазал тушки глиной, взял ее с бережка, и запек. Рыбка, после того, как горячую глину отстучал ножом, пованивала, плохо пропеклась, но елась на ура.

– Не-не, и не проси, – Морхольд шикнул на кота, так и тянувшегося к оставшейся сырой рыбешке. – Это на утро, бестолочь.

Тот как будто понял. Успокоился и завалился спать. Свернулся в клубок, засунув нос куда-то в шерсть, – и все, нет кота.

Морхольд дохрустел остатками порции, поковырялся в зубах нехилой косточкой и, скривившись, еле смог встать. Сгреб побольше листвы в свое «гнездо» и вышел на воздух.

Похолодало. Первый вчерашний снег выпал рановато. До Нового года, если прикинуть, месяца два. Ну, край, с половиной. Потому и холодает серьезно, чему удивляться? Морхольд подышал на руки, растирая ладони. Высохшие футболка и штаны тепла не прибавляли. Хорошо, что додумался снять куртку, залезая на деревце.

Над головой, посреди черно-алмазной ночи, неожиданно пробившейся через тучи, на него смотрела Большая медведица. Ковш, родной и привычный, чуть подрагивал свечением мерцающих звезд.

Морхольд еще раз дохнул на руки. В голове, точь-в-точь как звездочки, мерцали мысли. Несколько. И ни одна ему не нравилась. Потому как хорошего в них не наблюдалось. Что они с котом имели в наличии?

Два нормально функционирующих глаза на двоих. Обоняние и всякие там шестые-седьмые чувства – только у хвостатого. Нормально работающие двигательные опорные аппараты тоже стоило поделить на два и прикинуть, насколько оба инвалида мобильны, – шесть плохо

работающих лап с ногами на двоих. Рука вроде бы приходила в себя, а у кошки ребра явно подживали, равно как и мясо, подранное клыками страхолюдной собаки Клыча. Ну, это-то ладно. Можно записать в плюсы нехитрой бухгалтерии.

А в минусах чего выходит?

У-у-у, тут все круче. Но по порядку.

Пока их не искали. Если б наоборот, так давно бы нашли. Но, тем не менее, пока все в норме. Если повезет, то забудут. Да и мало ли, вдруг никто их не видел? Хотя тут Морхольд сомневался. Да и потом, зная Клыча, стоило ожидать прочесывания всей территории рядом с детским лагерем. Если, конечно, Клыч выжил и победил. Или не победил, но сохранил свои силы.

Ребятки же, что шли за пай-девочкой Дашей, Морхольда пугали не меньше. Очень уж серьезны и круты. От таких стоит ожидать и следопытов, и командира, желающего прочесать все и вся. Вспоминая безумную гонку, начавшуюся еще в Кротовке, Морхольд поморщился. Чертовы крутые перцы. Таких если останавливать, так двумя штурмовыми отрядами с Кинеля, не меньше. Хотя... то ли интуиция, обострившаяся с годами, то ли задница, чужая подлянку, подсказывала: да и ну его нахер, воевать с такими. Как-то он не удивился бы потом полноценному полку, явившемуся на поиски своих коллег.

Ну и самый главный проблемный вопрос: чего делать? И как быть?

На кой ляд он подписался на сделку с Дашей? Правильно, из-за пусть и призрачной, но надежды. Найти своих. Найти тех, кого потерял. И? Жива ли Даша? И не врал ли она?

Морхольд выматерился. Так, как матерился крайне редко. Так, что самому стало противно. А потом развернулся и пошел спать. Потому что от всех неожиданных новшеств в своей жизни он сильно устал.

Лег, зарывшись в листву и положив в костер толстую валежину. Часов на пару хватит, а там... А там так и так вставать, да идти отливать. Морхольд накинул куртку, подложив рукав под голову, повернулся на бок, крикнув от боли. Когда к спине, уркнув, привалилось тяжелое, мерно дышащее и теплое, он улыбнулся. Животине тоже хотелось больше тепла. И уснул.

А утром кота рядом не оказалось. И в пещерке тоже.

* * *

– Ну, ты и гад... – Морхольд, ковыляя по следам на вновь выпавшем снежке, добрал до реки. – Сволочь усатая.

Кот сидел и смотрел на непроглядно черную воду. Его совершенно не заботили несколько ворон, увлеченно клевавших какую-то падаль на мокром песке. Усатый просто сидел, смотрел, лишь дернув ухом, когда человек оказался рядом с ним.

– Ну и какого ж ты сюда приперся, скотина? – поинтересовался Морхольд, растирая бедро. – Я-то, ясен пень, дебил еще тот, что поперся тебя искать. Но интересно же...

Кот не шевельнул даже усом. Морхольд потыкал ногой в валявшееся на берегу бревно, сел. В этот раз стрельнуло где-то в крестце.

– Добегался, конь старый, – он сплюнул, – что-то да вылезло. Эй, морда, чего тут интересного? Друга своего ждешь?

Кот повернул морду и взглянул на Морхольда до жути осмысленным взглядом.

– Да ладно... Как его, Азамат, да? Слушай, кошастый, ты меня пугаешь. Шевельни усами, если понял, о чем я... Не, не шевелишь? Азамат?

Кот мявкнул. И заметно обеспокоился. Даже встал и начал крутиться на месте.

– Угу... – Морхольд почесал подбородок. Вернее, ногтями пробился через заметно отросшую бороду и поскреб по коже. – Интересно.

Будущее обретало более четкие границы. Хрен знает, что там у kota в его кошачьей голове, но... Хотелось верить, что что-то серьезное. Крути-не крути, а вся ситуация случилась из-за Дарьи. И найти ее стоило хотя бы для получения ответа, да. Ответа на самый важный для него, Морхольда, вопрос. Где искать.

– Подожди-ка, дружище, – он сплюнул, глядя на явно нервничающего kota, – подожди.

Бревно чуть нагрелось и холод мыслей не путал. И так, судьба, вроде бы повернувшаяся задней точкой, сделала неожиданный поворот. Верить в хорошее не стоило, но надеяться хотелось. Как минимум в то, что у kota не бешенство и он мявкает не просто так. Выбор у них, на самом деле, невелик. Но даже среди его практически отсутствия и какой-никакой, но альтернативы, желалось верить в лучшее.

Стоит оставаться на месте? Вряд ли. Почему? Все просто.

Берег все равно прочешут, рано или поздно. Вероятнее всего, что рано.

Будет ли какой-либо прок, если отлежаться еще пару дней? Да ни хрена. Ни спина, ни нога нормально работать не собираются, так чего ждать? Есть ли шанс на встречу с Дашей Дармовой? Надо полагать. И явно больше, чем если вдвоем, на пару с котом, остаться.

– Эй, мохнатый...

Кот внимательно посмотрел на человека. Иногда он его даже пугал. Во всяком случае зверя, так явно понимавшего речь, Морхольд не встречал. Раньше.

– Пошли за манатками, черт с тобой, – встал, пожалев о забытой остроге, – а потом и искать. Да не вру, пошли.

Уже уходя вверх по течению, Морхольд прислушался. И присмотрелся. Черные точки воронья взмывали вверх чуть поодаль. Стоило поторопиться.

* * *

Темнело. Ветер тоскливо и жалостно подвывал в разросшихся ввысь и вширь ивах. Плети ветвей, голые и безжалостные, хлестали вокруг деревьев, так и норovia пришибить кого-нибудь. Каркали, разлетаясь, невеликие черноперые вороны, ни капли не поменявшиеся с самого Морхольдовского детства. Видать, умным и хитрым крылатым совсем наплевать на Беду и ее последствия.

Начал крапать дождь, но прекратил практически тут же. Радоваться этому, рассматривая низкие черные перины, рокочущие громом, Морхольд не стал. Стоило ждать от природы крайне неприятной пакости, не иначе. Ливня с градом, позавчерашнего бурана или, того хуже, льдисто-острой вьюги. Он бы не удивился, после Беды поземку частенько видели и в сентябре. Стоило поднажать. Хотя выходило оно как-то стремновато, если не сказать хуже.

Что кот, что человек, бредущие по раскисшей земле, обдуваемой со всех сторон постоянно меняющимся ветром, могли вызвать одновременно и хохот, и сострадание. Еле-еле переставляя лапы с ногами, останавливающиеся каждые триста-пятьсот метров, мокрые и порой с трудом вылезавшие из грязи.

И если кот справлялся с дорогой относительно грациозно, как и положено любому хищнику, то Морхольду приходилось тугогато. На одной из остановок он невесело усмехнулся и отряхнул с штанины жирные бурые потеки: ему пришло в голову одно сравнение. Так себе сравнение, если честно. С пресловутой коровой на льду. С килограммами мяса и сала, танцующими на хрустящей и скользкой зеркальной поверхности. Выплясывающими что угодно, кроме чего-то красивого.

– Эй, котозавр! – Морхольд выдохнул, тяжело оперся на острогу. – Мы хоть верно идем-то?

Кот, что вполне логично, не ответил.

– Да и ладно. Двинули.

Получалось не особо, однако двигались. Медленно, но верно. Чуть ли не по километру в час, если судить по собственным внутренним часам Морхольда. Великолепная скорость, ага.

До ночи оставалось не так и мало, когда кот неожиданно громко мяукнул и задал такого дра-ла-ла, что оставалось только поражаться. Ну, тому, как может нестись вперед животина, не так давно почти помершая.

Причину мявканья Морхольд увидел чуть позже. Увидел и вздохнул. Было с чего.

Вряд ли на реке туда-сюда шныряли суда, похожие на это, наполовину выброшенное на берег. Довольно большой корпус из стали, с торчащими по бортам металлическими штырями. С трубой паровой машины и даже мачтой. Яхта, ексель-моксель. Натурально, самая настоящая. Даже с именем. Ага. «Арго».

А раз так, то... то как бы путешествие не закончилось, только начавшись. В смысле его, Морхольда, путешествие. Хреновые дела получаются.

Он сжал зубы и пошел быстрее. Чавк-чавк, ноги месили кашу под ногами. Чоп-чоп-чоп, чавкая месивом, соглашалась с ними острога, превратившаяся в посошок. Подошвы выдавших виды ботинок разъезжались, совершенно несогласные с желаниями владельца переть вперед аки УАЗ. Кот, мелькающий впереди, одним прыжком оказался на борту, завис на секунду и спрыгнул внутрь. Морхольд выругался и решительно поднажал. Спина отозвалась мгновенной вспышкой тепла, горячо разлившегося по мышцам.

Он доковылял в аккурат к тому моменту, когда морда кота показалась над сталью борта. Усатый мявкнул, зовя за собой.

– Да иду, – Морхольд остановился, противореча собственным словам.

Остановиться стоило. Хотя бы для того, чтобы понять – каким макаром этот вот бороздящий волны корабль оказался здесь. Выброшенный на берег аки Иона. Хотя, если память не изменяла, кит, проглотивший Иону, никуда его не выбрасывал. А кого тогда выбрасывал и кто? Капитана Ахава Моби Дик? Капитана, которого играл Ричард Харрис и за которым гонялась косатка?

Морхольд вздохнул. Судя по всему, удар сказался не только на мышцах и позвоночнике. Если мысли мечутся и подкидывают совсем глупые вещи, то что? Все верно, контузия. Едрит Мадрид, как говаривала медсестра Люба из давно и прочно померших «Интернов».

Так, что здесь?

Он обошел «Арго» с кормы, взглянуть на левый борт. Как и стоило ожидать: выгнутый винт, полузатопленная часть корпуса и пробоина. Небольшая, но и ее хватило. Хотя винт заинтересовал куда больше.

Ублюдка, намотанного на острые лопасти, Морхольд ранее не встречал. Мерзопакостный гад отдавал чем-то совсем нехорошим. Напоминал рыбчудов, живших под Самарой и каким-то образом выходящих даже через туманную границу, опоясывающую город. Откуда-то повелось звать тех мэргами. С ними Морхольду довелось повоевать не так и давно. Точно перед тем, как во снах стала являться дева в облике Дарьи Дармовой. Но таких, как сдохший гад, видеть не доводилось.

– Ктулху тебя задери... – он присвистнул, разглядывая существо, – ну и урод.

Желтоватая рыбья кожа в крохотных чешуйках. Мощные мышцы рук и плечей, видневшиеся в каше, оставшейся от рубящего удара винта. Перепонки? Куда ж без них. Гребень на башке, прямо как у гребаного Ихтиандра из золотого фонда фильмов СССР. И вполне себе человеческое лицо пацана, пусть и с признаками вырождения.

– Беда-а-а... – протянул Морхольд и отмахнулся от снующего по палубе и мявкающего кота. – Да иду, за ногу тебя, иду. Не ори.

На борт пришлось подниматься сильно матерясь и сопя. Иначе не получилось. Когда Морхольд шлепнулся на металлический настил, пот катил с него градом. Не хуже, чем дождь, что стал сильнее.

Кровищи здесь хватало на весьма нескромных размеров мясорубку. Как и гильз, разбросанных по всей палубе. Морхольд огляделся, удивляясь увиденному. Надо же, сколько он просто не знал о том, что было под боком. Корабль, речной, на ходу. Рыболоды, точь-в-точь как иллюстрации к рассказам Лавкрафта о Дагоне и его детях.

Он прошелся по борту, задержавшись у спаренного пулемета на корме, покачал головой, глядя на крупнокалиберный танковый Владимирова на носу и остановился, наконец, у штурвала. Он оказался прямо как в книгах Верна, с крохотным рулевым мостиком... и самим рулевым. Или шкипером, кто знает. Почему-то подумалось, что именно капитаном, так и не покинувшим свое судно.

Большой крепкий мутант, весь в нездоровых наростах по лицу и со странно сросшимися пальцами на руках. В плотной провощенной куртке и вооруженный пожеванным (и бывает же такое!) АКСУ. С левой стороны шея у капитана практически отсутствовала, разодранная в клочья.

Кот остановился рядом, приподнявшись на задних лапах и всматриваясь в хмурое нелюдимое лицо, застывшее в смерти. Морхольд готов был поклясться, что животное знала мутанта и даже переживала из-за него. Он попробовал оттащить капитана к борту, надеясь спустить вниз, на берег. Зачем? Дурацкая мысль, что и говорить. Морхольд просто хотел его похоронить. По-человечески, как положено. Пусть и потратив на эту дурь время и силы. Именно так. Не получилось.

Руль оказался согнут и практически вбит в тело погибшего. Металл крепко-накрепко придавил его к металлу мачты за спиной. Ни туда, ни сюда.

– Прости, друг, – Морхольд протянул руку и закрыл блеклые черные глаза, – чем могу.

Кот отошел и остановился. Поводил носом взад-вперед, будто к чему прислушиваясь. Оно и верно, мутант мутантом, но больше трупов на судне не оказалось. Кровищи – хоть отбавляй, вся палуба в крови, а тел-то нет. Морхольд нахмурился.

Ему верилось в то, что человеческий век здесь, на многострадальной и натерпевшейся от человека Земле, не закончился. Да, верилось. Эта вера придавала сил всегда. Без всякого глупого и оставшегося в прошлом пафоса – Морхольд верил.

В страшные бои, ждущие впереди. В тяжелую борьбу, когда медленно, пядь за пядью, придется забирать свое назад. Не надеяться на волшебника в голубом вертолете, морских пехотинцев и воздушную кавалерию из-за океана, а делать все самим. Как уже было, и не раз. И больше всего ему хотелось верить в собственное участие в этой, по-настоящему последней, войне.

И сейчас, не видя тел, он поневоле поежился. Своих забирают только разумные существа. И погибших «своих» у рыболодей должно было оказаться немало. Если судить по крови. Слишком уж ее много. А ни одного нет.

Кот, тем временем оказавшийся на носу, мяукнул. Морхольд подхромал к нему и присоединился к занятию мохнатого: разглядыванию берега.

– Умный ты, зараза, – чуть позже констатировал факт и даже улыбнулся, – повезло мне, что вытащил тебя, лохматый.

Как бы ни бушевала река и небо, льющее дождь, пару следов они так и не уничтожили. Невеликий отпечаток тех самых ботинок, что Морхольд самолично купил Дарье в Кинеле, вел к перелеску. Он довольно оскалится, машинально погладив умную башку кота. А тот даже не зашипел.

– Дай мне тут прошвырнуться, – попросил Морхольд, – вдруг чем разживусь.

И ведь получилось. Не сказать, что они стали сильно богаче, чем утром, но все же.

Спички, два больших коробка самых настоящих охотничьих спичек, найденных в каюте под палубой. Запаянных в пластик и совершенно сухих.

Несколько сухарей, завернутых в чистую тряпку. Один Морхольд немедленно отправил в рот и зажевал, наслаждаясь кисловатым привкусом ржаного хлеба. Мир вокруг него стал еще чуточку больше. Где-то еще, а не в Кинеле кто-то выращивал рожь и пек хлеб, превратившийся вот в эти самые сухари. Красота.

Два магазина «семерки», завалившихся под отстегивающуюся койку, порадовали не меньше, чем раскладной кривой нож. Нож Морхольд определил сразу же: садовый. Таких у его деда, в далеком детстве, было несколько. Этот как раз походил на один, с синей ручкой, как брат-близнец. А патроны? Уж они-то всегда сгодятся.

Большим сокровищем оказался совершенно неожиданный предмет, хранившийся в ящике капитанского стола. Атлас автомобильных дорог, от ведь. Откуда, для чего он был нужен капитану? А вот, попал в руки тому, кто оценил эту драгоценность по достоинству. И пусть атласу лет в обед чуть больше двадцати и выпущен как раз перед Бедой, не беда.

И плащ. Длинный, чуть не до пят, кожаный, с дополнительными разрезами сзади и по бокам. И даже с капюшоном, державшимся на металлических крючках. Судя по размеру – капитанский. Крепко скроенный, надежный. Хотя пару швов на рукава Морхольд бы положил.

А вот из огнестрельного оружия ему так ничего и не попало. Но и на том спасибо, подумалось Морхольду, перекинувшему ногу через борт. «Арго» вздрогнул. Сильной, прошедшей по всему стальному корпусу дрожью.

Летя к коту, уже ждавшему внизу, Морхольд что-то увидел. Что-то, заставившее его вздрогнуть. Но осознать, что именно, вышло позже. Он отковылял к деревьям, косясь на неожиданно сдавшее назад судно. Под килем хлюпало, влажно брызгало водой, корпус скрипел... Но «Арго», по неясной прихоти реки, упорно возвращался в ее черную глубину.

И Морхольд, стоя на берегу, был готов поклясться, что закрытые им самим глаза погибшего шкипера-мутанта, чьего имени он не знал, на какой-то миг вдруг открылись. И посмотрели именно на него.

Черт знает, что за мысли... Но прожив последние пару десятков лет в тени Беды, Морхольд порой сильно и не удивлялся. Стоял и смотрел на темный силуэт с трубой и мачтой, прочно вставший на воду. «Арго», чуть проседая на корму, но поднимаясь и поднимаясь, пошел по черной глади. И почему-то на миг показалось, что судно не просто дойдет до Самарки и приткнется на берегу у Волги, перед Чертой. Подумалось, что еще услышит странную новость о яхте, шедшей сама по себе против течения.

– Контузия, не иначе, – Морхольд улыбнулся мыслям, – точно тебе говорю, усатый.

Кот муркнул и мягко, покачивая хвостом, скрылся среди деревьев.

– Ну ты и пакость, – проворчал Морхольд, – в следующий раз предупреждай, когда вот так исчезать соберешься.

Заметно темнело, и он старался усмотреть хотя бы еще парочку следов. Хотя и так стало ясно, что кошка пер напролом не просто так. Да и повезло.

На самом краю немалых размеров лужи отпечаток ботинок встретился еще раз. И второй, не Дарьи, попался чуть дальше. А потом все-таки стемнело окончательно. Почему они не остановились? Потому что впереди явственно мелькнул огонек, да и чуть стихший ветер принес запах дома и еды. Кто-то там, в тепле и уюте, тушил мясо. Судя по запаху – весьма вкусное.

Морхольд остановился под низким раскидистым орешником и напряженно всмотрелся в темноту. Плохо, что один глаз не в строю. Но и имеющегося хватит. А так – пока вроде бы все ясно.

Небольшой домик, в две-три комнатки. Бревенчатый сруб и дощатые, крашенные зеленым, сени. Пристрой, длинный и приземистый. Из почерневших от времени тех же бревен. Если судить по запаху, пробивающемуся даже через дождь, со скотиной. Со свиньями, уж точно, не спутаешь. Пахло... да что там, воняло знатно. И, вот ведь, ограды практически никакой. И что оно может значить? Да что угодно.

Личность, живущая в избушке, находится под чьей-то охраной и ни хрена по этой причине не боится ни бога, ни черта.

Или хозяин дома – ленивая скотина, и даром не хочет обезопасить самого себя крепким частоколом.

Или человек, живущий здесь, плевать хотел на все. Как карта ляжет, так и будет.

Или его просто-напросто боялись. Причем даже зверье. Верилось слабовато, но мало ли. Про рыболодов на реке собственного детства Морхольд слыхом не слыхивал. Вдруг и тут так же?

Оставалось проверить все догадки опытным путем. Тем более кот явственно намекал всем своим напряженным телом – нам с тобой, человеку, именно туда. В самое логово местного людоеда, например. Кто ж его знает, что он там за мясо харчит?

Морхольд присмотрелся внимательнее, надеясь быстро определить стратегию штурма. Напороться на дуплет из самой обычной двустволки как-то не хотелось. А вряд ли хозяин захочет поприветствовать незваных гостей как-то иначе. Ну, сам Морхольд поступил бы именно так. Причем ружье закреплял бы на ночь прямо напротив двери самострелом. Чего руки марать, когда ворье само себя пристрелить сможет?

Напряженное выискивание слабого места помогло. Одиноко торчащая коробка у пристроя могла быть чем угодно. Будкой для инвентаря. Ледником для освеженных трупов. Каморкой для утренних, обеденных и вечерних молитв. Да мало ли.

Но почему-то Морхольд совершенно уверился в мысли о самом обычном сортире. А раз так, то стоило добраться именно до него. И ждать. Тем более, что каких-либо других будок, заполненных мутировавшими собаками, к примеру, не наблюдалось.

Он пригнулся и, чуть шипя сквозь зубы от очередного прострела, осторожно пошел вперед. Но пройти вышло недалеко.

Хлопнула дверь. На пороге появился силуэт, мирно почихивающий самокруткой.

– Хорош прятаться, – голос показался не молодым, но и не дряхлым, – выходите. Оба. И ты, и твоя зверюга.

Вот такие дела, полоскать твои подгузники.

* * *

Свет от керосиновой лампы мягко струился желтым янтарем. Фитиль потрескивал как-то особо уютно. Морхольд, облизав и отложив ложку, степенно хлебал чай. По-купечески, из блюдца. Не смог отказать себе в такой дурости.

Травяной сбор из легко угаданных шиповника, смородины, земляники, чуть зверобоя и мелиссы, шел хорошо. Особенно под медок. Медок удивил особо, оказавшись цветочным. Пчелами, нормальными и хозяйственными, никого не удивишь, это верно. А вот откуда взялись эти самые нормальные полевые цветы? Не гречиха?

Да и вообще... многое в доме удивляло.

Чистота и уют, давно не свойственные миру. Одинаковые занавески на окнах, длинные, фабричные, интересного сочетания цветов: лиловые и зеленые. Вместе с ровными белыми стенами гостиной – да-да, именно гостиной, – они создавали непередаваемый ансамбль. Морхольд сидел и тихонько удивлялся своему удивлению еще больше.

На полу лежал светлый ламинат. Этот материал он уже и не помнил, а тот лежал. Как новый. Чистый и даже отблескивающий в свете керосинки. Окажись в доме хозяйка, Морхольду было бы стыдно за грязные ноги и онучи, оставленные вместе в ботинками в сенях. Тоже, само собой, чистых.

Но, во-первых, хозяйки не оказалось. А во-вторых, хозяин сразу отправил его в душевую, располагавшуюся за сенями. Отмытый и довольный Морхольд получил свежую пару теплого

армейского белья – пусть и старого, как отходы мамонта, образца. Пресловутую «вошебазу», то есть самую настоящую зимнюю «белку». И, кроме этого сухого и пахнущего только лежалым счастьем, хозяин одарил его неношенными шерстяными носками.

Хозяин... хозяин. Стало ясно, что он именно тот, кого боялась вся округа. Включая бандитов, зверье и, вероятнее всего, самого Клыча.

Чуть старше Морхольда, на неуловимые лет пять – десять. Высокий, крепкий, с коротким ежиком волос и внимательными глазами. Несколько шрамов на лице и бездна спокойной уверенности. Такой, что Морхольду оставалось только сыто рыгнуть после ужина и честно рассказать о цели визита и собственных планах. Которые, к слову, включали выбивание правды именно из мужика напротив. Он-то, кстати, чай пил из обычной кружки, с ручкой, обвязанной нитками.

Чай парил, мед сладко пах, хозяин молча пил и внимательно смотрел то на кота, спящего в углу, то на Морхольда. А тот, сочно причмокивая, с присвистом хлебал из блюдца и не знал с чего начать. И косился на СКС, висящий сбоку от хозяина. Странно, но оружие никак не нарушало уюта комнаты.

– Давай упрощу тебе задачу, – хозяин отрезал кусок сот и протянул Морхольду, – ты как к такому предложению?

– Так заметно, что меня что-то гложет и не могу это высказать?

– Прямо в точку, – тот усмехнулся, – лучше и не скажешь.

– Ну... если оно так, то только «за».

Тот кивнул.

– Для начала, гостюшка, ты б представился. Понимаю, недосуг, усталость и все такое... но?

Морхольд усмехнулся в ответ:

– Прошу прощения, утомился.

– Кто бы сомневался. На дворе-то, чать, не благословенный две тысячи восьмой. Это тогда было хорошо. Евро сорок, доллар тридцать, нанотехнологии, маршрутные такси, первые айфоны и вообще – тишь, гладь и божья благодать.

– Действительно. Меня зовут Морхольд.

– Интересное имя. Валлийское, кажется? Вроде бы упоминалось в «Тристане и Изольде»?

– Радует общение с образованным человеком. Гляжу на вас и так и вижу очами души своей диплом о высшем. И почему-то звезды на погонах в придачу.

– Да чего только не бывает, особенно в прошлом.

– Ну, так...

– Кто слишком много такает, тому в рот птичка какает, – хозяин отхлебнул из кружки, – слышали, наверное?

– Великолепная книга за авторством Франсуа Рабле. Из главы о детстве Гаргантюа, если память не изменяет?

– В наши-то с вами времена общение с человеком, не чуравшимся в прошлом чтения классика французской литературы, да и мировой в целом, – великая радость.

– Ну, старик Рабле умел радовать неожиданными перлами в своем панегирике, эт точно, – Морхольд надул щеки и, прихлупнув, допил чай. – А как вас величать?

– Хм... – хозяин открыл жестяной портсигар, советский, с выдавленной охотничьей собакой, предложил угощаться, – а зовите меня, пожалуй, Егерь... Хотя нет, это имя для того, кто давным-давно ушел. Можно сказать, стал призраком. Зовите Лесником.

– Удивительно незнакомое имя. Оба.

– Взаимно, земляк.

Морхольд удивленно посмотрел на него.

– И не спрашивай, не поймешь. Родились мы с тобой в одном городе. Том самом, бывшим когда-то очень радостным. Откуда ты и добрался сюда.

Удивляться этому уже не хотелось.

– Может быть... земляк, ты тогда знаешь, зачем приперся к тебе?

Лесник пожал плечами.

– Знаю. Бери сигарету, Морхольд. Угощайся...

– А, не курим... – Морхольд взял самокрутку, сделанную с помощью машинки и тоненько хрустнувшую всамделишной папиросной бумагой.

– Добалагурим, не переживай. Да и никто из нас двоих не Цезарь.

– Любишь «Обелиск»?

– А как его не любить? Соляры для генератора нет, так бы включил.

– Странно, что нет.

– Появится. На, читай. Тебе оставила твоя девочка.

На стол лег вырванный из записной книжки листок. Морхольд затаил дыхание, увидев написанное. Координаты. Простые географические координаты.

– Это далеко, – Лесник закурил, – очень. На юге.

Морхольд сглотнул. Но как?

– Они пришли позавчера. Девочка, девушка и парень-башкир. – Егерь постучал пальцами по столу. – Жалко девушку. Мало того, что с пальцами беда, так еще и дети Дагона подрали. Но я помог, пальцы скоро заработают.

– Рыболоды?

– В точку. Дойдут до него руки... правда, когда, не знаю. Развел, понимаешь, черт-те что на реке.

– Они...

– Они ушли сегодня утром. Двинулись в сторону Похвистнево. Дойдут, как мне думается. Очень уж паренек у них упорный. Да и девочка...

– Девочка чудо, – Морхольд облизал пересохшие губы, – просто чудо.

– Чудо, что ты смог сюда дойти. И выжить.

– Откуда знаешь? И кто ты такой, твою-то за ногу?!

– Я же сказал: твой земляк Лесник. Я местный... старожил.

– Да нет здесь таких старожил, землячок, – Морхольд помотал головой, – не слышал про тебя. Никогда.

– Так ты не живешь здесь. Мотаешься где попало, а на родину не заманишь ни калачом, ни пряником. Стыдно тебе?

Он не ответил. Пожал плечами.

– А потом удивляешься, что чего-то не знаешь. Свой город надо любить.

– Ага.

– Ага, ага... – Лесник невесело усмехнулся. – Жаль, Таната нет. Он бы тебе все объяснил куда доходчивее.

– Я смотрю, вас здесь немало.

– Нас здесь трое. Я, Танат и Мэри Энн. Был еще пес, Костоглод. Но он погиб. И Таната тоже... нет. И хорошо, что ты встретился именно со мной. Встретился бы с ним, значит, дела у тебя были бы плохи.

– Да ладно, хватит лечить. Понимаю, что вышел сюда не просто так. Судьба?

– Как говорил один стрелок, Морхольд, это Ка.

– Роланда его Ка и лично Стивен Кинг привели в начало пути. А мне бы добраться до конца своего. До своей Темной Башни. И найти свой Ка-тет.

– Захочешь – доберешься, – Лесник пожал плечами, – было бы желание.

– На юг?

– Ты испугался? Знаешь такое место, Джемете?

Морхольд не ответил. Анапа, значит. Вот как...

Все сходилась. Туда они и отправились практически день в день, когда небо разродилось огнем. Оставшаяся семья. Мама и сестра. Подарок на ее пятнадцать лет. Отдых на море.

– А как я могу быть уверенным в...

– Не придумывай причин, сынок, – Лесник усмехнулся, – будь мужиком.

Спорить с ним о возрасте и о том, что он ему годился в братья, не хотелось. Все это было неправильным. Дом, хозяин, координаты, разговор этот дурацкий, отдающий надуманным диалогом в приключенческом чтиве, которое он любил тогда, до всего этого дерьма. Надуманный, как бы многозначительный, с недомолвками и Тайной. Именно Тайной с большой буквы «т».

– Она уже тогда, оставляя листок, знала про мой выбор?

Морхольд внимательно смотрел на человека, увиденного впервые.

Даша Дармова. Странная девочка, умеющая то, что нельзя было и предположить в прошлой жизни. Ведь оставляя эти самые цифры и градусы широты с долгой, она давала выбор. Ему, человеку, вроде бы выполнившего свои обязательства. Ведь довел до Отрадного. Ведь сдал с рук на руки упрямому башкиру Азамату.

Но на душе скреблись кошки. Такие, с вон того кота величиной. И соответствующими когтями. Ведь, давайте честно, он же шел не из-за такой нужной информации. Он просто нашел себе какую-то настоящую цель. Кроме постоянных ходок за давно пришедшим в негодность хабаром из прошлой жизни. Или за ублюдками, чьи головы оценивались в патронах. И как же быть?

Лесник кивнул, не спеша поднялся и вышел. Оставил Морхольда наедине с самим собой. Подумать. Тоже мне, благородный дон, ну-ну. Хотя, и это верно, больше-то он ничего и не мог бы сделать. Выбор есть всегда. Даже пусть и небольшой.

Идти в Похвистнево? Или на юг?

Анапа. Он был там один раз. Его разговоры и отправили маму с сестрой туда. Море за невысокими дюнами. Запах соли и шашлыка. Гомон детей, их там всегда было много. Кусочек солнечного теплого счастья, оставшийся в памяти. И дорога туда куда длиннее, чем в ту же Уфу.

Ответ Морхольд уже знал. Выбор, на самом деле, сделан. Осталось только его осмыслить и принять. И начать новую дорогу. Но сперва выспаться.

* * *

– Вроде бы все проверил, стреляет хорошо. Но старый... – Лесник положил перед Морхольдом «макаров», блестящий маслом, и три обоймы. – Патронов маловато, ты уж не обессудь. Что было – отдал парнишке этому, Азамату. Ему придется тяжелее. Чем тебе.

Морхольд кивнул. Тут хозяин прав на все сто.

– Ну, усатый, бывай... – он протянул руку, очень сильно захотев погладить кота по умной башке, – не обижайся.

Кот посмотрел умно, по-человечески, и сам ткнулся широким лбом прямо в ладонь. Муркнул и пошел к деревьям. Оглянулся, замерев и глядя прямо на Морхольда. Мол, чего стоишь, пойдем! Ну?!!

Человек покачал головой, пожал плечами. Виновато и отчасти жалко. Кот повернулся задом, чуть дрогнул хвост, и зверь пропал среди стволов.

– Б... ь!

Морхольд сплюнул.

– Чего ругаешься? – Лесник покосился на него.

Ветер выл все сильнее. Зима приближалась. А Лесник только поднял капюшон штормовки. И все.

Зря он думал, что Морхольд не бывал дома. Еще как бывал. И новая, весьма долгая дорога, начнется через дом. И теперь Морхольду предстояло возвращаться. В Отрядный.

– Так чего ругаешься?

– Стыдно. Даже кот и тот на меня надеялся.

– Не глупи, – Лесник закурил. Ветер мгновенно растащил дымок в стороны, – ты не просто прогуляться решил. Семья... это же самое главное и дорогое, что есть у человека. Ты можешь найти свою. Любой поймет. Не поймет, так либо мудака, либо дурака.

Морхольд не ответил. Примерял пистолет к большому внутреннему карману плаща. Кобуры у Егеря не оказалось. Вместо нее хозяин подарил Морхольду старый и надежный вещевой мешок. Тот, чьи точные копии-близнецы доходили куда угодно вместе со своими хозяевами. Хоть на Эльбрус, хоть до Кандагара, хоть до Берлина. И не пустой.

Кусок сала, связка твердых, убить можно, сухарей. И спирт. Святое правило трех «с», передаваемое от отца к сыну. С которым русская армия выигрывала любую войну. Сало, сухари и спирт. Ни мороз, ни пекло, ничего не страшно.

Толстый пластиковый пакет с тремя десятками сигарет в картонных пачках. И свитер. Той же домашней вязки, что и носки. Плотный, теплый, самое то по погоде на дворе.

– Как думаешь добраться?

Морхольд пожал плечами.

– Через Волгоград, потом вдоль железнодорожной ветки на Краснодар. А там – как получится. Надо бы успеть до Нового года. И подарки найти.

– Оптимист, – хмыкнул Лесник, – или нет?

– Ну... тут как выйдет. Если все срастется, то какой-то кусок даже пролечу. Волга встанет – сколько-то по льду пройду.

– Тоже правильно. Бывай, человече.

Он хлопнул его по плечу и пошел в дом. Морхольд кивнул и двинулся обратно. Только не вдоль реки, а посуху. Так-то оно сподручнее, да и мало ли...

Небо сыпало крупной, острой и жесткой. Дождь принимался лить не меньше пяти раз, пока он добрался до бывших дач в Раздолье. Земля снова раскисла, плевалась брызгами, заставляла чаще опираться на посох-острогу. Спина одаряла вспышками и выстрелами боли, но Морхольд шел и шел, как заведенный.

Раз-два, раз-два, левой, левой. Таким шагом можно пройти весь мир. Если есть задача. Или вера во что-то. Хотя пройти даже не мир, а полторы тысячи километров хотелось бы не одному. Но уж как есть. Его размен с судьбой Даши Дармовой оказался равноценным.

Рука, начавшая походить сама на себя, смазанная жиром и мазью из трав, крепко забинтованная, беспокоила не так часто. Глаз не работал. Тек слезой и порой вспыхивал ало-огненной паутинкой в темноте под перевязкой. Смех, да и только: калечный рукожоп шел в свою личную Шангри-Ла, аки Фродо в Мордор. Ага, наверное, проще было зайти посередине реки Большой Кинель и терпеливо ожидать, пока кто-нибудь не схарчит. Но ведь если помирать, так с музыкой. И Морхольду очень сильно хотелось, чтобы она зазвучала не скоро.

Он остановился. Крыши домиков, заметные среди разросшихся посадок, серели впереди. Пробивались через морось темными острыми пятнами, кое-где либо уже совсем провалившись, либо щерящимися обломанными зубами проломов. Заботливые хозяева, ухаживающие за домиками, давненько стали удобрениями для собственных грядок. Не любил Морхольд эти места. И даже до Войны-Беды не любил.

Единственное, что радовало: не нужен счетчик. Нет здесь радиации. Не с чего ей здесь братья. Зато хватало собственных гадостей. А как еще, если двадцать лет назад по всей земле прошлась беда, да такая, что вспоминать не хочется. Не говоря о том, что если много лет зака-

чивать водный раствор вместо выкаченной нефти – как-нибудь да рванет. Отрадный в некоторых местах был напичкан дрянью, называемой самим Морхольдом «ловушками». Разными.

Вот и сейчас, прямо перед ним, сырой воздух совершенно незаметно подрагивал сразу в нескольких местах. И эти самые «несколько мест» явно сливались в кривую полосу, шедшую по всему открытому пространству. А по бокам торчал такой бурелом, что лезть в него ну просто очень не хотелось.

«Битум». Никак больше назвать густую вязкую горящую смолу он не смог. Смоляное варево, как-то растворившее на его глазах немаленького лосенка. И вся эта пакость сейчас как нарочно оказалась на самом удобном пути к его первой цели. Эти «ловушки» появлялись и пропадали не очень быстро. Несколько дней, порой неделя. И, как назло, сегодня явно решили оказаться здесь.

Морхольд чуть отступил, спрятавшись под обвисшим сырым кленом. Серая пелена над головой густела и не рассасывалась, это да. Вот только он совершенно не помнил, чтобы низкая облачность останавливала охотящуюся стервь. И застревать на открытом месте столбом не стоило.

Так... какие варианты?

Варианты-то выглядели так себе, ничего хорошего.

Первый: пройти через бурелом из разросшегося чилижника, перекошенных карагачей, кленов, вязов и редких тополей, невзев как оказавшихся здесь. Долго, а по времени уже обед. Добраться до цели стоило засветло. Пойдешь через одичавший пролесок – три часа пропадут. Как минимум.

Второй: вернуться на полкилометра и попробовать обойти дачи по самым границам. Но тут подводных камней больше. «Битум» может быть где угодно. Не говоря о «мясорезке». И времени жалко, и себя самого, ковыляющего назад.

Ну, и третий, к которому он и склонялся. Пройти по доскам забора самой крайней дачи, выломав и настелив их на относительно целый кусок частокола. Тем более, несколько уже валялись, сырея, впереди. Хотя тут еще та загвоздка. Сам Морхольд, будь он мародером или бандитом, с удовольствием бы подстроил все именно так, воспользовавшись моментом. И сидел бы в засаде. Чужих следов не заметно? Так дождь шарашит какие сутки?

– Монетку кинуть? – поинтересовался он у дач. Или у неба. Или у пустоты за спиной. – А толку? Да и хрен с ним.

И шагнул к доскам. Пришлось попотеть, укладывая их, но вроде бы выходило, как и задумывалось. Морхольд осторожно, косясь на марево над «ловушкой», пополз вперед. Дерево прогибалось, хрустело и брызгало прелью и щепками на концах. Дрожало, но не ломалось. Морхольд пыхтел и аккуратно, сантиметр за сантиметром, двигался подальше от жаркого и жадного зева ближайшего «битума». Жухлая остатняя трава рядом уже ссохлась в проволоку, выдавая «ловушку».

Когда он скатился на землю, перевалив через обгрызенный край доски, спина болела немилосердно. Падая, он едва успел подхватить полетевший в сторону ПМ. И все же грохнулся, сильно приложившись о несколько битых кирпичей из стопки под забором.

Выстрелы ударили сразу, с разных сторон. Первая пуля разнесла половину штaketины за его головой. Вторая и третья размозжили в труху рог подруги-остроги. А вот две следующие вкусно поцеловали его в спину.

Дом у дороги-2

– Да хорош уже пургу-то нести, а, батюшка? – Одноглазый начал нарезать кривым ножом сухую чурку. В ней не без труда угадывался рыбий балык. – Вера, вера, о чем вы?

Священник пожал плечами, глядя как-то виновато и беззащитно. Одноглазый хмыкнул и подсел к нему.

– Не обижайся, отец. Просто, ну...

– Зла много вокруг, вот и все. А вера, она ведь тяжела в такие-то лихолетья. Многие ли смогут видеть в ней что-то... ну, что-то правильное.

– Это верно, – Чолокян, жуя сыр, покосился в черный проем окна, – в такие-то года большие в себя веришь, да в ствол.

Женищина, названная Багирой, глянула на него, как на дурачка. Чолокян втянул голову в плечи и отошел к жене, неся ей еду.

– Мне вот интересно, друг ты мой ситный, – Багира посмотрела на одноглазого, – рожка твоя не особо мне знакома, а на память не жалеюся. Откуда ты меня знаешь?

– Это ужасная тайна, – одноглазый усмехнулся в бороду, – не расскажу.

На какое-то время все замолчали. Хотя и молчал-то каждый по-своему.

Священник просто сидел, тихо и покойно. Быстро склевав скромную порцию, еле заметно шевелил губами, перебирая четки. Какой-то умелец любовно выгладил их из абрикосовых косточек, отполировав до блеска. Щелк-щелк, одна за другой косточки отсчитывали мгновения жизни, а хозяин молча разговаривал с тем, в кого верил.

Чолокян, достав из потрепанного, но пока крепкого рюкзака запасную сбрую, вооружился ишлом, дратвой и кривыми толстыми иглами. Скрипел кожей, что-то ворчал под нос, мешая русский мат и армянскую брань. Изредка, быстро опустив кусочек ветоши в банку из-под дорогого крема для тела, втирал растопленный жир. Жир изрядно вонял, но никто не морицился. Что делала его молодка жена – никто не видел.

«Мягкое», нисколько не растеряв своей пухлости, с шурианием завернулось в лохмотья и молчало с регулярным почесыванием, кряхтением и сопением. Круг пустоты вокруг него расширился еще больше. Сразу после того, как оно, мелькнув грязными пальцами, сочно раздавило особо крупную вишу.

Трое, видно отец, мать и то ли некрупный сын, то ли немалая дочь, одинаковые, круглолицые в отсветах костра, молчали как-то степенно, как и положено настоящим кубанским казакам. Давно уже не стало сытой древней зеленой Кубани, давно не ленилась течь в своем нормальном русле и сама мутная река Кубань, а вот, вишь ты, казачья степенность никуда не делась. Отец, подсвечивая себя резанной из вишневого корня трубкой, дымил самосадом. Мать, крепкая телом и белая кожей открытой шеи и пудовых грудей, что-то рукоделила. Дочесын прятался в темноте и не выделялся.

Багира молчала сурово и каменно. Достав из-под длинной армейской куртки приличный тесак, водила по нему точилом, изредка проверяя заточку ногтем. Чуть виднелись в темноте седые непокорные волосы, вжикал по стали брусок, сама женищина, обманчиво не глядя вокруг, смотрела перед собой.

Мальчишка одноглазого, укутанный в буилат, молчал, стуча зубами и бледнея лихорадочным потеющим лицом. Густо дышал, с клокотаньем прогоняя воздух через сопли шкворчащего носа. Пытался уснуть, укутав лицо дрянным шарфом.

Одноглазый молчал переживая. Косился на темноту за окном, прореживаемую молниями, и метался душой, явно мучаясь по мальчишке и страдая от невозможности помочь. Иногда вставал и отходил к доскам, прибитым к оконным рамам, шипящим от капель кислоты и стонущим от удара ветра. Благо хотя бы чертова ночная буря чуть поутихла.

Одноглазый смотрел в клубящуюся темноту и злился. Оглядывался на попутчиков, пытаясь рассмотреть кого-то еще. Что-то тревожило, цепляло коготками опасения, не отпускало. Пламя, то поднимающееся, то смирявшееся в раскаленной бочке, не давало возможности как следует рассмотреть всех и каждого.

Мальчика он нашел уже больного. Куда было тащить дрожащего мальчика? Он не знал. Бросить его не мог, и сейчас, зная о бесполезности любых переживаний, изводил себя ненужной злобой.

Одноглазый сел рядом, приложил ладонь ко лбу мальчонки. Тот польхал не хуже бочки. Мужчина вздохнул. Сделать что-то полезное из ничего он не умел. Умел другое – убивать, защищать, ломать самых сильных и не давать ломать самого себя, выживать в пустошах рухнувшего мира, отыскивать многое необходимое и даже по малости лечить. Но придумать хотя бы какое-то средство, облегчившее детское страдание...

Темнота поодаль от костра ожила. Выпустила из чернильной густой тени человека в странной хламиде, висевшей до колен трапецией. Костер подсветил силуэт, показал всклокоченные спутанные волосы, немалую бороду и свежий шрам на щеке.

Бродяга остановился рядом с одноглазым. Пламя пробежалось по хламиде, узнав в ней несколько грубо разрезанных и стянутых капроновым инуром мучных мешков. Одноглазый хмуρο покосился на него. Не хватало ему рядом еще одного вошесборника кроме «мягкого».

Бродяга оскалится, блеснув неожиданно ровной полоской зубов, и протянул руку. Одноглазый непонимающе уставился на нее. Костер, как живой, заинтересованно дрогнул, бросил больше света. Одноглазый сглотнул комок, дернул разом высохшей глоткой. Название на белой коробочке, когда-то блестящее, стерлось. Но осталось самое главное, по низу, мелким шрифтом. Он смотрел, не веря глазам, смотрел и боялся протянуть руку в ответ, не веря в чудо.

Бродяга хмыкнул и нагнулся, поднося ближе нежданное волшебство. Одноглазый цепко взялся трясующимися пальцами, замер, схватив второй ладонью грязную руку мага и кудесника.

«Четыреста миллиграмм, четыреста! – мысли скакали бешено, взрываясь от нежданной радости. – Ибупрофен, четыреста в дозировке, Господи спаси, Господи помоги и выручи, лишь бы подействовало, лишь бы осталось хотя бы немного активного вещества, Господи!!!»

Священник, молча отщелкнув новую косточку, вытер блеснувшие слезой глаза. Багира сплюнула, поджав губы. Чолокян покрутил пальцем у виска. Отец сделал то же самое, а вот мать улыбнулась и кивнула. Бродяга прижал палец к губам и ушел в свою темноту, подальше от костра.

Одноглазый, открутив крышку фляги, трещал разрываемой упаковкой. Быстро записнул таблетку мальчишке, дал запить. Воду тот пил долго и жадно, с явным трудом двигая кадыком.

Одноглазый замер, выжидая, веря и не веря в возможное здесь и сейчас. Никто не решился нарушить тишину. Каждый молчал и ждал по-своему. Когда дыхание мальчика стало ровным и он, неожиданно звучно зевнув, провалился в сон, выдохнули все.

Священник перекрестился.

– И в людей верить надо всегда.

Покосился на Чолокяна и вздохнул.

– А не только в стволы.

Глава 2

Бегущий от лезвий

*Самарская обл., город Отрадный
(координаты: 53°22'00" с. ш. 51°21'00" в. д.),
2033 год от РХ*

Морхольд, привалившись к стволу перекрученной яблони, хмуро рассматривал продырленный вещмешок. И сало, с одного конца размочаленное попаданиями. И то и другое жалеть казалось глупым. Но он жалел. Хотя радовался больше.

Спасители сидели здесь же, разогревая на углях костерка банки с кашей и тушенкой. Еще один, огромный до неправдоподобия, порой хрустел зарослями малинника, уйдя в дозор. Отчасти Морхольд даже порадовался. В его присутствии становилось немного неуютно. Чересчур уж тот... большой.

Парочка, терпеливо дожидаящаяся горячего обеда, не нервировала. Необычного в них было немного. Снаряжение, ага, именно оно. Такого профессионального обвеса, амуниции и прочего Морхольд не видел... да вообще никогда не видел.

Комбинезоны-хамелеоны, защитные анатомические шлемы, ботинки, пошитые по ноге. Оружие оказалось обычным. «Винторез», «семьдесят четвертый» АК, АПСы, НРы. У громилы, прятавшегося в малиннике, очень серьезно и сурово смотрел на мир «Печенег». Правда, какой-то явно модифицированный.

Ну, а то, что в тройке оказалась женщина, не удивишь. Разве только – и тут он явно не ошибался – мелькало в их лицах что-то одинаковое. Такое... родственное, сразу выдававшее брата с сестрой. Старшего брата и младшую сестру.

– Спасибо-то скажешь? – мужчина подмигнул Морхольду. – А?

– Спасибо, – буркнул тот, – чего-то до хрена помощи из ниоткуда в последнее время, даже растерялся.

– Хам, – констатировала женщина, – быдло и мужлан.

– Да, ты права, я настоящий мужчина...

– Яйца, табак, перегар и щетина, – хмыкнула она, – мы ровесники.

– Искренне рад.

– Я Скопа, это Пикассо, а там, в кустах, огромный и злой призрак, его звать Большой.

– Морхольд, к вашим услугам.

– А про бороду? – хмыкнул Пикассо.

– Ты ж бреешься.

– Ну да. Пикассо к вашим услугам, Морхольд, да удлинится твоя борода.

Скопа и Пикассо усмехнулись. Да так одинаково, что если у Морхольда и оставались сомнения относительно степени их родства, то сразу пропали.

– Слушайте, ребят... – он достал одну из подаренных сигарет и прикурил от горячей веточки, – а вы-то кто?

– Э? – Скопа посмотрела на него крайне удивленно. Пикассо улыбнулся, как-то очень понимающе:

– Стало быть, ты местный? И кого-то уже встречал.

– Лесника я встречал.

– Понятно. Ну а мы... как это, сталкеры, наверное. По-своему так. Живем здесь, как можем другим помогаем.

– Угу, а чего в бою недавнем не помогли? – больше спрашивать что-либо не хотелось. – Стоп...

Морхольд вспомнил доску, которую не так давно видел в школе, где прятался вместе с Дашей от стерви.

– А кто такой Кефир? И почему ты жадная скотина?

Скопа вздохнула, Пикассо снова усмехнулся. Количество его ухмылок и усмешек уже заставляло злиться.

– Жадный – это сам Кефир. Он... м-м... мутант, короче. Живет в городе, кровь пьет у всех, кто есть в округе. Но человек нужный. Достать может что угодно.

– Да и бес с ним.

– А бой – у реки, с применением артиллерии? – Пикассо зевнул. – Далеко были. Да и не наш он был, как понял.

– А на кой ляд мне помогли?

Двое мародеров, скорее всего выживших «клычевских», лежали в углу забора, брошенные в высокую крапиву. Помощь от странноватой тройки оказалась как нельзя вовремя. Еще бы немного, и каюк Морхольду.

– Так получилось, – Пикассо подхватил ножом одну из банок прямо под доньшко, перекинул на землю. Полез за остальными. – Ты против?

– Нет.

– И хорошо. Угощайся, хорошие консервы, у Кефира как раз брали. Откуда-то с Госрезерва, им сто лет в обед, но ни хрена не порченые. Умели делать раньше.

– Спасибо.

Отказываться от еды было бы глупостью. Тем более, что гречка с мясом пахла одуряюще вкусно. Морхольд наклонился, скрипнув зубами от боли в крестце.

– Чего с тобой? – Скопа нахмурила брови.

– Черт знает. То ли взрывом об дерево приложило, то ли просто ударной волной. Ходить иногда не могу.

– Беда, – констатировал Пикассо, – надо помочь.

– Надо, – согласилась с ним сестра, – у тебя сколько с собой шприцов?

– Штуки три.

– У меня тоже.

– Погодите-ка, – забеспокоился Морхольд, – чего за самаритянство?

Две пары глаз уставились на него с явным удивлением.

– Чудак человек, – сплюнул Пикассо, – я поражен.

– Говорю же, хам, мужлан и просто неблагодарная личность, – Скопа сплюнула круче, прямо через зубы. – Что, не надо помогать?

– Извини, – Морхольд вздохнул. Ему и впрямь стало стыдно. – Как-то отвык.

– Это да. – Пикассо покопался в кармане разгрузочного жилета и достал металлическую зубочистку, засунул в рот, погонял языком. – Капец курить хочется. Сколько лет как бросил, а все тянет. Дыми в сторону, слышь?

Морхольд согласно кивнул.

– Отвык он от помощи, – Пикассо стиснул металл зубами, – а раньше, надо полагать, все вокруг так друг другу и помогали?

– Тоже верно.

– Ладно. Смотри, – из подсумка он достал небольшую пластиковую емкость с иглой под колпачком, – штука полезная. Народная фармакология – это вещь, брат, всегда поможет. Разве что тару такую найти удалось не сразу. Но не бойсь, мы их хитро кипятим, ничего не подхватишь. Давай, прям в плечо. Подействует быстро.

Морхольд подержал иньектор на ладони, прикинул и решил отложить. Мало ли, чего впереди ждет. Да и...

– Не доверяет, сестренка. Ну, что за люди пошли, совершенно не верят в человечность чужих поступков и благородство. Дурень, зачем мы тебя спасали бы тогда?

Крыть оказалось нечем.

– Мне идти очень далеко. А сейчас потерплю.

– Ну, как знаешь.

Морхольд кивнул и продолжил есть. Брат с сестрой присоединились, а Большой так и не показывался. Когда за спиной Морхольда хрустнула ветка, он чуть не подпрыгнул. А вот Пикассо только усмехнулся и приветливо помахал рукой.

Женщина подошла и села рядом. Сбросила рюкзак и протянула руки к костру.

Молодая, темноволосая, с тонким длинноватым носом и серьезными глазами. Без каких-либо признаков противогаса, счетчика или химзащиты. Морхольд вздохнул, вновь ощутив волну непонимания и удивления. На этой оказались джинсы. Вот такие дела.

– Привет, Мэри Энн. – Пикассо подмигнул и, подхватив ножом под дно, поставил перед ней очередную разогретую банку. – Угощайся. По грибы ходила?

– В основном по ягоды, – женщина улыбнулась краешком губ, – самое время сейчас кое-что собирать. Скоро совсем похолодает.

Морхольд посмотрел в небо. Серое и низкое, оно пока притормозило моросить. Но ждать с него снега, например?

– Ну, не прямо сейчас, – Мэри Энн принялась есть, – потом. Свитер подошел?

Он кивнул. И поблагодарил.

– Хорошо.

Какое-то время все жевали, не отвлекаясь на разговоры. Но не особо долго.

Морхольд довольно откинулся назад, предвкушая продолжение пути. Спина осоловело ныла, но пока не стреляла. Это радовало. Опыт подсказывал – впереди немало сложностей.

Ветер снова затянул резкий и тоскливый блюз, насвистывая в прорехи домиков и слепых окон. Острые порывы лезли за пазуху, настойчиво добираясь до теплого тела. И впрямь холодало.

Трава, дряблая, желтая и размазанная в грязи, даже не трепетала. Поникла, готовясь заснуть до весны. Деревья водили ветвями, настороженно посвистывая самыми тонкими сучьями как розгами. Оставшиеся листья лениво кружились, падая вниз.

Осень, мать ее. Пора очарования и бла-бла-бла. Остатки сентябрьской паутины давно унесло ветром. Вместе с теплом и уютом. Лужица чуть поодаль остро и льдисто блестела черным застывшим зеркалом. Рябина, переливающаяся хрустальной алой россыпью ягод, шуршала и колыхалась. От ее волнения по спине бежали вполне себе зимние мурашки.

Пикассо снова засунул зубочистку в рот и повернулся к Морхольду:

– Ты сейчас куда?

– До Колымы.

– Осторожнее, смотри. Там «серые» всю охотятся.

– Уж в курсе, – буркнул Морхольд, – пару дней назад гнали меня.

Пикассо кивнул. Мэри Энн посмотрела на Морхольда:

– Дай-ка мне свою руку.

– Погадаешь?

Зеленоватые глаза выстрелили злостью. Морхольд замолчал.

– Посмотрю судьбу.

Судьбу так судьбу.

Тонкие пальцы сильно взялись за запястья. Пробежали щекотливыми муравьями по открытой ладони, замерли. Скопа, откинувшись на большой рюкзак, дремала. Пикассо смотрел в небо и меланхолично грыз зубочистку. Большого было ни слышно, ни видно.

– Ты проживешь долгую жизнь. И прошла у тебя ее малая часть. Делал много зла, а можешь сделать не меньше. Ты сможешь найти потерянное, если поверишь в собственные силы. Но, причиняя боль и зло, ты накопил много долгов. И идти тебе теперь вперед только крадучись. Никакой стали, никакого пороха. Как в сказке: возьми три пары железных башмаков, три железных посоха и три железных хлеба. И когда сотрешь и съешь весь металлолом, то только тогда найдешь искомое.

– Волшебная просто судьба получается... – Морхольд хмыкнул. – И как это мне столько пропереть без стали с порохом?

– Попробуй заменить их на дерево, камень и кость, как еще? – Пикассо усмехнулся. – Мэри, что-то ты как-то очень закрутила все. Попроще не хотелось?

– Много ты понимаешь в судьбе и ее чтении, – женщина сморщила нос, – хотя...

– Пора идти. – Пикассо встал. – Хорошей тебе дороги, сталкер. И спи более чутко.

* * *

Морхольд открыл глаза. Покосился на прогоревший, но еще теплый костер, сереющий золой. На два тела в сухих бустылях у поваленного забора. На огромный отпечаток ботинка в сырой земле. Было ли, не было...

Спина застонала, отзываясь на подъем. Он оперся на острогу, встал, чуть поморщившись. Итак, до сумерек надо дойти в точку «А». Точка «А» лежала километрах в пяти по прямой и в семи-восьми кривыми зигзагами, что наверняка выпадут по пути. Следовало торопиться.

Первые шаги дались с трудом. Нога не хотела сгибаться в колене, мешок висел пудовым грузом. Земля жирно чавкала, стараясь крепче вцепиться в подошвы. Ветер снова настырно лез под плащ, небо хмурилось и плевалось то крупными каплями, то моросью, то крохотными градинками.

Потихоньку стало легче. Мышцы разогревались. Покалывали приятными горячими иголками изнутри, загоня боль глубже. Ну, так не просто можно жить, так еще можно весьма и весьма двигаться. А движение, как известно, это жизнь.

Он упорно шел вперед, стараясь уловить новый для себя самого рваный ритм. Ловил воздух, жадно вдыхая его полной грудью и пытаясь поймать что-то необычное. Про свой родной город в последнее время Морхольд знал все-таки не так и много. А что знал – пугало.

Пока радовало одно: отсутствие зеленоватого тумана. Он появится попозже. Морхольд полагал, что успеет добраться до своего личного «схрона» раньше. А вот прочие обстоятельства вызывали одно расстройство.

Зверья у города перед Бедой хватало. И когда люди сдали позиции – животные быстро этим воспользовались. Пока людей валили в могилу эпидемии, странные осадки, голод, стычки и просто безумная тоска по прошлому, доводящая до самоубийств, четырехногие знай себе забирали все, что можно.

Что говорит о хорошем балансе животного мира в охотохозяйстве? Верно. Поголовье волков. Если серые имеются – все хорошо. Просто так они никогда не придут. А вокруг Отрадного волков видели начиная года с десятого. И сейчас, яснее ясного, количество стай только выросло.

Да и остальные, вроде бы мирные животные, только добавляли хлопот. Кабаны, быстро почуяв свободу передвижения, первыми ринулись занимать огороды, сады и палисадники. Благо разводимые людьми культуры после Войны принимались практически сами по себе. Зверье жрало от пуза и, соответственно, плодилось и множилось.

А встречаться с семейкой кабанов без картечи или нарезного с «семеркой» Морхольду совершенно не улыбалось. Секачи, то ли из-за обильного корма, то ли из-за Беды, порой выма хивали в холке метра под полтора. Этакая гора из костей, мускулов и толстого слоя жира, заросшая косматой колючей шерстью, с диким похрюкиванием налетающая на любого, представляющего потенциальную опасность для поросят.

Смех смехом, но сейчас стоило опасаться даже бывших домашних кошек, давно плюнувших на врожденные эгоизм и склонность к одиночному образу жизни и сбивавшихся в самые настоящие прайды. Хорошо, хоть кошачьи особо не выросли.

Ну, и стервь. Куда ж без нее? Эту крылатую *lupus femina*¹ Морхольд обожал особой неподдельной любовью. Крайне жалея об отсутствии возможности притащить КПВТ, зарядить его МДЗ и расстрелять тварь к едрене-фене.

Еще отдельной статьей проходили прямоходящие гомункулусы, выродившиеся из его бывших земляков. А «серые», совершенно сумасшедшие людоеды и садисты, стояли в списке опасностей наособицу.

Иногда Морхольду даже казалось, что, приходя сюда, он переносится куда-то в амазонскую сельву или еще какой-то зеленый ад с его дикарями, анакондами и прочими забавными и милыми несуразицами. Теми, которых хлебом не корми, а дай пожрать человечинки. Страшное дело, право слово. Особенно когда ковыляешь во всем этом чаде кутежа во мгле Ада с помощью самодельного костыля. Раньше он ощущал себя гораздо увереннее.

Через час он добрался до Осинки. Отсюда оставалось не так и много, и Морхольд даже успел порадоваться. Зря или нет – пока было неясно.

Ветер, вместе с ним добравшись до открытого пространства, довольно взвыл. Морхольд, оглядев огромный пустырь, вздохнул. Здесь не осталось практически ничего, напоминающего о цивилизации. Крыши ближайших домов торчали в километре впереди. А между ними и пролеском, откуда он обозревал окрестности, царил пустота.

Пустоту разбивали несколько совершенно не удививших натюрмортов. Большие железные штыри, прикрученные к ним колючей проволокой поперечины и украшение – останки каких-то бедолаг. Тех, кто до него решился пройти здесь. Выбеленные временем черепа, редкие остатки грудных клеток и истлевшая ткань одежды.

– Весело, – Морхольд сплюнул, – чего и говорить.

Он шарил глазами вокруг, стараясь усмотреть опасность. Но та обнаруживать себя упорно не желала. Но он ее чувствовал. Ощущал каждым сантиметром собственной пропотевшей кожи. Ловил еле заметные оттенки в холодном сыром воздухе. Слышал в симфонии мельчайшего мириада звуков. Она таилась недалеко.

Ветер. Ни разу не затихавший уже черт знает сколько. Резкий, пронизывающий насквозь и пару раз зацепивший тело даже через плащ и свитер. Колючая высокая трава шла волнами, отливала сероватой сталью. Тонкие высохшие деревца гнулись, цепляя когтями сучьев густой сырой воздух. Темнели вросшие в землю по самые окна останки домиков. Каркало вездесущее местное воронье.

Город виднелся впереди. Серел пока держащимися пятиэтажками на самой окраине. Тыкал в небо непроходимым лесом того самого парка, где недавно он несся на квадроцикле. Игла телебашни вяло трепетала полосами отставшей краски.

Снова всплыла в памяти школьная доска, исписанная мелом. Там, в прогнившем коридоре, когда к его плечу прижималась Даша Дармова, а по дому напротив, грохоча шифером и кирпичами, ползала стервь. Слова прихлещлись как нельзя вовремя. Что-то в них ощущалось.

– Здравствуй, район... – Морхольд усмехнулся. Зло и нехорошо. – Я снова вернулся. Без стали и пороха, да? Ну-ну.

¹ Самка у хищников семейства псовых (волки). Самец, само собой, кобель, а самка – *lupus femina*.

Он сделал первый шаг. Вышел, не таясь, понимая всю бесполезность осторожных попыток. Нашупал в кармане одну из пластиковых ампул, подаренных недавно. Зубами стащил с иглы колпачок и воткнул в бедро. Жидкость вошла в мышцу легко и свободно. Спина отозвалась чуть позже. Вот только что, ровно и лениво, как нажравшийся хищник, боль ворочалась внутри него. И вдруг – нате, получите, взяла, да и пропала. Как нельзя вовремя.

Морхольд подмигнул первому скелету, скалившемуся редкими зубами и даже парой золотых коронок. Помнится, одна ведьмачка не послушала колдунью и взяла с собой меч. И сделала все правильно. Потому как та оказалась глупой и плохой колдуньей. Щелкнул предохранитель ПМ. Глядишь, теперь получится и повоевать. Ну, кто на новенького?

Под ногами земля, чуть просохшая от ветра, еле слышно скрипела мелкими камешками. Морхольд перешел на бег, стараясь справиться с километром опасной пустоты как можно быстрее. Бежал размеренно, внимательно смотря по сторонам и под ноги. Не хватало ему сейчас угодить в какую-то яму. Крыши приближались. Дышать становилось все сложнее. Сердце колошматило во всю дурь, отдаваясь в висках.

До первого дома, с почти полностью слезшей зеленой краской, оставалось немного. Первые силуэты, таившиеся в тени ржавого и вросшего в землю грузовика, Морхольд заметил случайно. Блеснул металлом кончик чего-то двигавшегося, но и этого хватило. Хозяин оружия сообразил, что замечен, чуть позже своей жертвы. И таиться больше не стал. Как и его товарищи.

Морхольд с ходу прыгнул вперед, ныряя за остов «десятки». В металл ее бока тут же с хрустом что-то воткнулось. Ясно – заточенные пруты арматуры. Ржавые по всей длине, кроме острия. Великолепная вещь, ага. Даже если удерешь после попадания... столбняк обеспечен.

Сбоку и за спиной загомонили, заорали, засвистели и заулюлюкали. А то, охота началась. Морхольд, не глядя, несколько раз выстрелил, а потом курок лишь сухо щелкнул. Морхольд наметил большую дырку в заборе и вошел в нее, как ныряльщик в воду. Повезло, не зацепился мешком. Везенье кончилось по ту сторону.

Ноги вляпались в раскисшую глину, разъехались. Он постарался опереться на острогу, получилось не очень. Морхольд полетел вперед, увидел приближающуюся дряхлую собачью будку и выставил плечо. Доски треснули, проламываясь внутрь, будка сложилась, брызнув деревянным крошевом.

Морхольд, матерясь, начал вставать, когда на заборе возник первый охотник. Воздух резанул короткий свист и оставалось только успеть поднять руки с острогой. Заточенный прут, пущенный как дротик, с хрустом воткнулся в дерево. Хозяин, поджарый детина с изъеденным мутацией лицом, весь в сером, спрыгнул на землю. В Морхольда хищно прицелился следующий прут.

Разросшаяся у дома крапива шевельнулась. Морхольд вжался в землю, пропустив над собой летящее вперед вытянутое тело. Волчище, чуть поменьше хорошей свиньи, с хрустом вцепился в «серого». Тот разве что успел завопить и замолк. Выпавший прут, подхваченный Морхольдом, пригодился как нельзя кстати. В горло следующего четырехногого он вошел легко и незатейливо. От оскаленной пасти вышло отбиться острогой. И кинуться бежать дальше. Забор дрогнул под первым из подтянувшихся «серых». Но беглец уже успел выскочить в проулок.

За спиной орали и рычали. На какое-то время, так уж удачно вышло, два разных клана местных охотников схлестнулись между собой. Фартануло – и не стоило бросаться такой редкостью. Вот Морхольд и не бросался. Бежал, как мог, не оглядываясь. Ноги разъезжались по грязи.

Улочка-то недлинная, это он помнил хорошо. Чуть поворачивала в конце точно в необходимом месте. А там, перемахнув еще две, оставалось только добраться до цели. И отсидеться. Хотя следы стоило запутать. И, да, хреново без оружия.

Прыжками, длинными и не такими ловкими, как раньше, вперед, вперед. Через поваленную сухую березу, через вросший в землю игрушечный пластмассовый самосвал, через проржавевшее ведро. Проехавшись по длинной полосе желтой грязи – встать, наплевав на изгвазданные коленки и руки, – дальше, дальше!

Ветер гнул деревья, сухие и черные. Те тянули когтистые сучья-лапы к нему, к небу, к силуэтам за спиной. Каркая, кружилось умное воронье. Знало, где кровь, там и пожива. Морхольд оскалился, коротко оглянувшись.

Там и дрались, и гнались. Серые лохматые сцепились с серыми двуногими. Но не все.

Волк за ним гнался один, длинный, молодой, поджарый. И хитрый. Не дожидаясь арматурины в мохнатый бок, – раз – и скользнул за заваленный дощатый забор. Сволочь. Могло бы стать на одного вражину меньше.

Троица, припустившая за Морхольдом на своих двоих, не удивила. Самые обычные «серые». Рассмотреть, ясное дело, оказия не выпала, но чего он там не видел?

Сухие, хищные, с выбритыми по бокам головами. Размалеванные смесью жира и сажи с пеплом, той самой, серой-пресерой. С широкими вкраплениями черных мест. В кожаных, украшенных отрезанными пальцами нагрудниках. И если ему все же не изменило зрение, то, право слово, на долю одного-единственного Морхольда выпала великая честь: за ним гнался целый Ловчий. Судя по белеющему на наплечнике черепу.

Морхольд сплюнул и свернул в пролом в ближайшем заборе. Приостановился, оглядываясь. Что у нас тут? Ага... просто праздник какой-то. Спасибо тебе, садовод-огородник, большое и человеческое.

Черенки обоих вил легко сломались от удара ногой. Воткнул прямо напротив пролома, зубьями к нему, бросил сверху картофельный мешок с давно расквасившимся содержимым. Проржавевшие гвозди, торчавшие из доски-заготовки, только добавили милоты к сюрпризу. Особенно после быстрого окунания ее в грязь. Глядишь, кому-то не повезет. Морхольд быстро растелил кусок мокрого полиэтилена аккуратно перед натюрмортом. И побежал дальше, прихватив еще один сюрприз.

За домом, вросший по крыльях, стоял какой-то последыш ВАЗа. Или «рябина-соло», или «гранд-мини». Проржавевший и скалящийся осколками стекол. Взлетая на него, Морхольд услышал позади приятный звук. Треск, хруст и булькающий вопль. И даже один крик. Он не удержался и оглянулся. Вовремя.

Острога успела отбить брошенное боло, зацепив один из шаров. Почти успела. Боло со свистом заплелось вокруг деревяшки. Снимать его придется потом. Морхольд выругался и метнул сюрприз. Топор, коричневый от ржи, свистнул и гулко звякнул, ударившись об угол дома. Ловчий, присев, оскалился и засвистел. Позвал подмогу. И правильно.

Оба его напарника выбыли из строя. Временно или нет – время покажет. Первый точно надолго. Сложно продолжать погоню, когда шею проткнули зубья вил, сразу два из трех. Да и вторые вилы как-то очень подозрительно виднелись под грудью.

Вдобавок на преследователе, еле слышно воющем, лежал его товарищ. И вот этот даже не дергался. Доску с гвоздями Морхольд не видел. Из-за левой руки и тесно прижатого к доске лица. Красота, одним словом.

– Бывайте, ихтиандры фиговы, – не удержался Морхольд и спрыгнул вниз. Ждать подарков от судьбы не стоило.

Приземлиться вышло не очень. Точно в кучу древнего, несколько десятков раз прокисшего навоза. Морхольд крикнул, рванувшись вперед и стараясь быстрее выбраться из чавкающей липкой жижи. За рукав, судорожно подергиваясь, заползла какая-то желеобразная дрянь. Представлять, чего там такое, он не хотел. Ловчий за спиной засвистел пронзительнее, модулируя свист в четко слышимый приказ.

Сбоку мелькнуло темное, стремительно полетело к нему. Морхольд ударил практически не глядя, откатываясь в сторону. Острога хрустнула, не выдержав веса волчары, подкравшегося огородами. Одновременно хрустнуло что-то внутри хищника. Клыки лязгнули, не дотянувшись до жертвы. Морхольд, нащупав сбоку тяжелое, ударил, еще раз и еще. Череп зверя, треснув, вминался глубже и глубже. Спасибо тебе, добрый человек, оставивший на грядках обрезок трубы!

Заскрежетало ржавое железо. Кого-то из подоспевших «серых» автомобиль не выдержал. Охнул, проседая и разваливаясь, спасая жизнь никчемного Морхольда.

– Да чтоб вас... – он сплюнул, вздохнув о верной потерянной деревяшке, и встал.

Спина щелкнула, заставив на мгновение замереть, потерять мир вокруг от вспышки пронзительно белой боли. И отпустила, наполнившись обжигающим кипятком где-то в том месте, где у далеких мохнатых предков отвалился хвост.

По пути, несясь к висевшей на одной петле калитке, подхватил еле заметную в высоченной траве кувалдочку. Почти квадратная головка, наваренная на трубу. Так себе, если честно, но на безрыбье, как говорится...

Волк корчился на траве, брызжа слюной попеременно с кровью, никак не умирая. Довершая начатое, на него, с уже доставшим уши хрустом, рухнул кусок забора. Свора ублюдков довольно заулюлюкала, однако успела заметить сматывающегося Морхольда.

Он сразу повернул направо, понимая, что надо добраться до перекрестка. И потом рвануть вверх. Умудрившись по дороге сбросить серых упырей. И двуногих, и четырехлапых.

Стоило бы оценить количество преследователей, но не вышло. Отрыв сократился до минимума, надо наверстывать. Это точно. Морхольд все же оглянулся через плечо. И порадовался. Охотников оказалось пятеро. Всего-то пятеро. Да он их как бог черепаху разделает... разделал бы, еще с недельку назад.

Тварь Ловчий бежал, как и водится, посерединке. Берегут подлюку, тьфу ты.

Морхольд несся, летел, иногда резво скользя по вконец раскисшей земле. Дождик, мерзко крапавший с утра, разошелся. С неба лило. Шуршащие плети падали вниз косо и хлестко. Одежда пропиталась водой мгновенно. Под ногами не чавкало, нет. Сапоги просто черпали жидкую грязь, хлюпая ею и поднимая вверх самые настоящие грязевые гейзеры.

Нет худа без добра. Не только ему приходилось туго. Замеченная по дороге навозная куча, такая же, как и попавшаяся раньше, среагировала на ливень сразу же. Донесшиеся сзади недовольные крики говорили об одном: серые попали в растекшуюся жижу всем скопом, покатившись и по ней, и по грязи.

Как говорили в любимых им до Беды книжках – рояль в кустах, ага. И никак более.

– Бэмс, – хмыкнул Морхольд, – хотите зефира в шоколаде?

До перекрестка добраться получилось чуть быстрее, чем думалось. Оставалось несколько вопросов. Подъем по чертовой грязевой скользкой мерзкоте, сброс «хвоста» и остаток пути до дома. Именно так.

Морхольд засунул кувалдочку за пояс. Пинком выбил жердь из очередного многострадального забора. Не круглую и прочную, а ребристую и хлипкую. Но лучше, чем ничего. И решительно погреб наверх. Не оглядываясь. Стараясь представить себя не кем иным, как великим и канувшим в Лету великим Бьерндалленом на подъеме.

Жижа цеплялась за сапоги и жердь, тянула вниз. Морхольд сопел и фырчал аки морж, отплеываясь от воды, бившей в лицо. Ливень не успокаивался. Внизу, метрах в тридцати, выли и орали. Старались напугать, не имея возможности добраться. Упертые сволочи, что и говорить. И глупые. От ощущения собственной охрененной крутости. Этого Морхольд простить просто не мог. И поднажал, желая выиграть пару-тройку свободных секунд.

Впереди засерели остатки гаражей, выстроенных во времена СССР. Именно из-за них Морхольд и надеялся на праведное наказание. Только бы добраться быстрее и найти драндулет. И близко к подъему. Господи Боже, только бы сложилось.

Морхольд хрипло выдохнул, вцепившись в чахлый куст, торчащий прямо у самого края подъема. Подтянулся, метнув быстрый взгляд через плечо. Целеустремленные «серые» ползли следом за ним. Хотя приходилось им хуже. Дождь времени не терял, размывая спуск все сильнее.

Искомое он заметил сразу. Бежево-ржавый «таз», то ли шестерка, то ли тройка, вот он, стоит, ждет. И даже чуть в сторонке свалены бревнышки. То, как говорится, что надо. Угу. Если бы не «но».

«Но» смотрело на Морхольда сверху вниз. И даже не просто сверху вниз. «Но» высилось над ним, сипящим и выдохшимся, как мачтовая сосна над чахлой садовой петунией. Как серый волк над зайчишкой-беляком. Как испанский маяк над авианосцем США.

«Но» имело около двух с небольшим метров в высоту. «С небольшим» варьировалось от пяти до пятнадцати сантиметров. В ширину «Но» показалось если и меньше, то совсем чуток.

Одетое в невообразимых размеров нечто, сшитое не иначе как из целых шкур двух, а то и трех кабанов. В таких же огромных чунях, сделанных из парочки подсвинков. На подошвы явно изодрали тракторную покрышку. «Но» было вооружено охрененных размеров молотом с крюком на верхней его части. И с рожей, замотанной толстыми полосами брезента. И в старых «совковых» сварочных очках. Жесть, в общем, Ад и Израиль, одним словом.

– Твою-то мать... – Морхольд понял одну вещь: он не успеет. Ничего не успеет.

Так и вышло.

Ножища бацнула его в бок. И не сильно, и не быстро... да только мир потемнел и съезжился. Чуть ли не так же, как от страха съезжилось все у Морхольда в штанах. И тут же, как мамка последнего щенка-сосунка, «Но» подняло его в воздух за шкуру и шваркнуло о те самые бревнышки. Приложив об них второй, вроде бы целой, половиной.

Морхольд шлепнулся о деревяшки, словно куль с дерьмом. Смачно, с сочным жирным хлопком. Потом Морхольд свалился в грязь. Хотелось заорать или завывать, но вышло только заскрипеть зубами и тихо-тихо рыкнуть. Больше сил ни на что не нашлось.

Дождь не успокаивался. Колотил тяжелыми каплями вокруг, бил по голове. Морхольд, заново учась втягивать в себя воздух, осторожно пошевелился. Мало ли, вдруг чудовищу удалось сделать из него отбивную. И сейчас у него внутри вперемешку с осколками ребер бультаются в кровавом бульоне селезенка в компании с прочими разорванными внутренними органами?

Сильно хлюпнуло, он замер. Пока не понял, что хлюпнуло не внутри него, а вовсе даже и снаружи. Просто грязь решила из жидкого дерьма превратиться в дерьмо липкое. И засосало добрый кусок одежды, так чудесно ей предоставленной. Так... вроде бы все в норме. Руки-ноги слушаются, спина болит уже привычно, а не как-то по-новому, голова не кружится, блевать не тянет, от удара не обделался. А раз так, то что?

Верно. Еще потрепыхаемся.

Морхольд осторожно отполз, стараясь не отвечивать. Опасался, пока во всяком случае, зря. Чудовище в шкурах и темных очках-маске нашло себе занятие поинтереснее.

Воткнув в грязь крюко-колотилку, оно уже торчало у самого спуска. Несмотря на стену дождя, Морхольд четко видел пар от спины, пролезающий через грубые швы, которые соединяли куски громадного зипуна. На спине оказалась огромная торба. И торчавшая из прорехи бледная тонкая кисть руки Морхольду не понравилась.

* * *

Что в ней понравится? Если здоровяк так охотится, то что? Да ничего хорошего. Морхольду грозило стать окороком? Сразу после того, чем занимался парящий, аки разогретый котел, великан.

Еще бы он не парил... Поди не вспотей, если берешь и толкаешь вперед тот самый «таз». Натурально, с помощью рук и ножиц, уходящих в грязь чуть ли не по колено. По щиколотку-то уж точно.

«Таз» заскрипел, бодро вспорол жижу и ухнул вниз. Морхольд грустно проводил взглядом исчезающий капот с почти отвалившимся бампером и вздохнул. Вопли, донесшиеся сразу же за этим, сказали многое. Чудище явно выбило страйк в этом фантазмагоричном местном боулинге. Кегли внизу визжали и хрипели от боли, быстро смещаясь вниз, если судить по звукам. Во всем этом невообразимо мерзком веселье хорошим моментом оказалось одно: Морхольд провожал взглядом бибику, стоя на ногах и поудобнее перехватив одно из бревнышек. Дождаться более удобного случая он не решился.

Судя по хрусту в спине... вечером, если Морхольд его дождется, светило кататься по земле и выть от боли. Но пока, здесь и сейчас, он сделал единственно правильную вещь. Бревно взмыло вверх и упало прямо на затылок чудища. Но не попало. Чудовище оказалось не только огромным и сильным, не-не. Оно явно обладало чудовищно прекрасным слухом. И успело развернуться. Пусть и не полностью.

Дерево гулко ударило практически в темя. Скользнуло по мокрому брезенту, пошло вбок, но все же дело сделало. Гигант завалился, медленно, медленно и... ушел вниз, величаво и неотвратно, прям как «Титаник» в любимом детском фильме. Что-то треснуло и хрустнуло. Мелькнула правая подошва, комья грязи подлетели вверх, и, шурша и чавкая, чудовище покатилося вниз.

Проверить – жив ли любитель толкать машины или нет, Морхольд не решился. Хотел прихватить с собой колотушку. Но, взявшись за лом, на который и приварили молот, понял – не справится. Слишком тяжела. Глянул вниз, стараясь что-нибудь рассмотреть через дождь.

Ну да. Покой ему не снится. Кто-то уже начал шевелиться и вставать. Почему-то Морхольд даже знал – кто. И, снова прихрамывая, он пошел вперед. Быстрее, еще быстрее.

Сзади, прорываясь через шелест дождевых плетей и вой снова ударившего ветра, донесся рев. Злость, боль, ярость, сломанный хребет, выпущенные и растоптанные кишки, лопнувшие под чужими пальцами глаза и ребра, пробившие кожу, именно в таком порядке. Так это Морхольд и услышал. Беги, дурень, беги быстрее, ага...

Он бы побежал. Как полчаса назад. Но не выходило. К спине добавился сустав слева. Щелкало практически у паха. Ногу свело в колене. Боль сильно, толчками, била в обе стороны. К лопаткам и от бедра вниз, до самых кончиков пальцев. Он практически прыгал на одной правой, подтягивая левую, так некстати выбывшую из строя.

Жердь все-таки треснула. Морхольд взвыл, видя, как надлом прошел почти посередине. Как же не вовремя...

Он полетел лицом вперед и выставил руку. Хорошо, что та выдержала.

Морхольд вывернулся назад. Ну, что сказать? Как и ожидалось. Судя по всему – до моря добраться не вариант. Смерть шла к нему неторопливо и выглядела очень некрасиво. А может ли она вообще выглядеть по-другому? То-то и оно, что вряд ли.

Выход? Да нет его, выхода. Вообще нет.

Грязь чавкала. Чавк, чавк, чавк. Тракторные покрышки месили ее с каким-то особым удовольствием. Гигант шел к нему. Медленно, будто наслаждаясь моментом.

Удар и падение явно не прошли даром. Морхольда покачивало даже на четвереньках. Убивало-колотушку, что он играючи крутил совсем недавно, пришлось волочить. Та плугом вспахивала совершенно неприлично раскисшую землю. Тащила ее, как борона, оставляя даже отсюда видимую борозду. Беда-а-а...

Морхольд сплюнул, переворачиваясь на спину и прижимаясь к обломку бетонного столба. Когда-то державший провода, теперь он лежал между человеком и его смертью. И вряд ли он остановит чудовище, так настойчиво идущее к своему обидчику.

Сдаваться? А вот накося выкуси. Помирать, так весело, с огоньком, само собой. Жаль только, что дровишек шиш да маленько. Один молоток против этакой дуры-кувалды, килограмм в десять.

Кровь от удара бревном у чуда не успокаивалась. Темнела на и без того темном от дождя брезенте, намотанном по голове медленно идущей смерти. Приложил, что и говорить. Жаль, не полностью. Ему бы контрольный звонок в голову девятью миллиметрами. Да не судьба.

Чудовище дотащилося до столба. Перешагнуло его с громким чавканьем. Морхольд оскалился, готовясь к последнему в его жизни удару. Огромная рука подняла молот в воздух, и вниз полетела грязь, рассыпаясь на крошечные капли.

Дом у дороги-3

Чолокян достал из непромокаемого чехла стеганое цветное одеяло и закутался в него. Девочке-жене, тут не соврать, он дал армейский спальник. Хороший, хочешь залезай в него, хочешь расстегни и накройся, как таким же одеялом.

Одноглазый, успокоившись по поводу мальчишки, торчал у лестницы. Караулил. Хотя от кого сторожить в такую чертову ночь? Ну да, ну да. И он, и Багира знали: вряд ли темнота остановит кого-то, кто захотел бы на самом деле добратся до людей в ангаре. Тут и дождя с кислотой окажется мало.

Одноглазый нервничал. Беспокоило само место. И сильно.

Когда-то давно, целых полвека назад, здесь ничего не было. Невысокие сопки, речка Абинка, станция Ахтырская. А конкретно здесь – ложбина между двумя мохнатыми лесистыми буграми и пустота. Редкие подрастающие деревца, трава порой по пояс, заросли давно умершего виноградника.

Потом пришли люди. Со звездами на кокардах и погонах, в серой мышинной форме. И другие, одетые в обычную одежду. Смотрели, вымеряли, спорили, заносили на бумагу. И уехали. А ложбина осталась ждать других. Потому как если приходят болтуны, то жди потом работников.

Землю в ложбине нещадно вскрыли ковшами экскаваторов и лопат. Разровняли, засыпали заново, залили бетоном и асфальтом. Быстро, но крепко, слепили несколько коробок, серых, однотипных. Окружили высокой кирпичной стеной и закрыли входы-выходы сталью ворот и калиток. Подняли вышки, чтобы смотреть за округой.

Ложбина замерла, выжидая. Сопкам вокруг было страшно и одновременно интересно. Они выжидали.

Серые скудные здания заселили. Женщинами. В одинаковых серых робах. Странными женщинами. Больными душой. Женщинами, полными злобы, жестокости и страха перед нормальным миром. Женщин, спрятанных от него не только за стеной с колючей проволокой, но и за решетками. Женщин-заключенных, страдавших психическими расстройствами.

Некоторых закрывали в трехэтажный кирпичный куб, стоящий на отшибе. Некоторые после не выходили. Их выносили.

Ложбина и сопки смотрели, внимали, слушали. Пропитывались темной злостью и отчаянием. Земля, часто напоенная не только слезами, но и кровью, изредка стонала. Ветер, залетавший сюда, старался быстрее выбраться. И, улетаая дальше, стряхивал с прозрачных крыльев темный налет горя и гнева.

Потом все пропало. Практически в один день. Хотя в те годы все менялось быстро. Была огромная страна – стало пятнадцать поменьше. Реял алый флаг – подняли бело-синекрасный. Все менялось так быстро, что сопки и ложбина, живущие здесь тысячелетия, только поражались.

Со стороны седых холодных гор все чаще веяло пожаром и кровью. С войной местная земля была знакома. И сейчас, вновь слыша далекие-далекие выстрелы, приготовилась ждать новую кровь. Но дождалась только тех, кто ее проливал.

Ворота обновили, выкрасили зеленой краской. Прилепили несколько красных досок с золотыми буквами и раскоряченным двуглавым орлом. Ветер, залетевший в знакомую ложбину, заинтересовался и ткнул почитать.

«Войсковая часть 3703» ни о чем ему не сказала. Так же, как черный перевернутый треугольник с белым конем, несущимся по гербу-шеврону. И большие буквы – «66 ОПОН 2 ДОН СКО ВВ». Для ветра Кавказ был просто домом. И он не делил его на северный, южный и прочие.

Рева двигателями, внутрь красных стен закатывались машины. Боевые и транспортные. Перхая от пыли, пройдя пять километров от станции по самому солнцепеку, заходили колонны совсем мальчишек. Кричали и матерились усатые взрослые мужики, орали и даже сильнее сквернословили молодые и без усов. Колонны выстраивались, отряхивались, муравьями металась между машинами и серыми низкими зданиями. И вот этим, где сейчас не спал одноглазый.

Да, он не мог всего этого видеть. Сам он оказался в первый раз внутри ангара куда как позже. Но и на его долю пришлось сколько-то простого человеческого счастья, ощущаемого ровно тогда, когда вокруг только беда. Хотя он бы лучше еще пару раз прошел то время, чем жить сейчас.

Война, она и есть война. Кто выживет, кто нет, кто-то выиграет, кто-то окажется на самом дне. А сейчас? Беда не просто ударила всех разом, расколов мечты, надежды и планы в хрупкие черепки. Нет. Беда сделала хуже.

Она, наплевав на все и вся, отнеслась к людям как общепитовский повар. Взяла, не глядя, людишек в горсть. Бросила на доску, покромсала немывтым острым тесаком. Запихнула в грязный стакан адского блендера и нажала на кнопку. Превратила миллионы и миллиарды судеб в жесть-винегрет. Только вместо растительного масла использовала нечто другое. Слезы и кровь. И, все-таки вспомнив о полученном кулинарном образовании, сдвинула замызганный колпак, подумала-подумала и сыпанула все имеющиеся пряности.

Болезни, голод, злобу, жестокость, ненависть, страх...

Осталось место состраданию? Наверное, если вспоминать о бродяге с его таблетками и странноватом монахе. Да вот только один Чолокян, купивший себе женушкуну, перебивал все это разом.

Одноглазый вздрогнул, поняв, что провалился в сон. Покосился за спину, где сбившиеся в кучки попутчики уже уgomонились. Усталость брала свое. Сон не отогнать, если тело обессилело.

А место ему не нравилось. Тогда, в прошлой жизни, все байки про безумных эзчек казались просто байками. А после Беды одноглазый стал относиться к ним по-другому. Слишком много странного и страшного случилось за два десятка лет. Впору поверить, что не все так просто.

Да и кто знает? Может, они все на самом деле давно умерли, сгорели в горниле термоядерного удара. И вся дрянь вокруг – их личный круг Ада, не более. И они снова и снова будут бродить по нему. Вспоминая былое и живя подобием жизни. Искупление грехов, мать его, никак и не скажешь. Только вот чьи грехи искупает мальчик Сережа, уснувший, но так и продолжавший клочкотать воспаленными бронхами?

Одноглазый провел рукой по перилам лестницы. Полвека назад ее сварили и замуровали в кирпич. Сколько таких прикосновений она знала? Тысячи?

Металл с остатками краски холодил. Холодил нехорошо, холодил тоскливо и мерзко. Трещала бочка внизу, освещая, вот чудо, даже улегшихся лошадей. Скотина тоже уморилась по полной, спала даже не стоя. Лошади нервничали, фыркали во сне. Это пугало больше. Этих не проведешь, эти плохое чувствуют, куда там людям. И одноглазый помнил, как не хотели заходить в ворота его бывшей части лошадки.

Списали на испуг из-за найденного и расклеванного птицами пса у самого ангара. Мало ли, могла и целая стая забежать и скрыться. А этих-то боялись и люди. Возможно и такое. Только одноглазый, заходя внутрь кирпичной коробки привычно, как и больше двадцати лет назад, покосился направо.

На одиноко стоящее здание вроде как бывшего изолятора. На его черные оскалившиеся дыры от окон. На беспроглядный мрак, еле заметный через стену дождя. И вздрогнул, по старой памяти.

Глава 3

Один и не дома

*Самарская обл., город Отрадный
(координаты: 53°22'00" с. ш. 51°21'00" в. д.),
2033 год от РХ*

Слышал ли он про застрявший в самую Беду в городе зооцирк? А то, конечно слышал. Но не верил. И зря.

Кошмар-колотушка так и не опустилась. Разве что принялась описывать круги, угрожая и с гулом рассекая лениво падающие капли успокаивающегося ливня. Ее хозяин, пока не особо твердо стоящий на ногах, даже чуть отступил. Было с чего. Одно чудовище смотрело на другое.

Морхольд замер, вжавшись в грязь и стараясь слиться с нею. Впрочем, плащ, штаны, вещмешок и даже его голова давно превратились в один большой грязный комок. Такой себе живой, еле шевелящийся и вжимающийся в бетонный столб комок грязи. А как еще? Как поступать, когда не можешь нормально двигаться? И над тобой, на расстоянии в пару метров, выясняют отношения две существа, совершенно ненормальных даже для ненормальнейшего мира вокруг?

Если серая тварь, возникшая из дождя, не относилась к кошачьим, то Морхольд – балерина. Если тварь, заревевшая так, что он оглох, не относилась к крупным кошачьим, то он, мать ее, Кшесинская. Если...

Какая разница, что там еще «если». Про зооцирк ввали, видно, не зря. И не зря считали Отрадный совсем уж безумным карнавалом монстроуродов. Ничем другим объяснить наличие зверюги, выглядевшей точь-в-точь как лев, не получалось. Разве что грива у львов, по воспоминаниям, не особо смахивала на растрепанную бухту колючей проволоки. И цвет у них все же явно был не пепельным. А так...

Крепкое широкогрудое приземистое тело. Толстенные лапы с огромными подушечками и черными когтями. Хвост, не иначе как двухметровый, яростно хлеставший по бокам. Клычища – с локоть Морхольда. Темный треугольник носа, усы, шевелящиеся жесткими антеннами. И грива, торчащая во все стороны грязными заскорузлыми пучками. И пепельно-серое. И ревущее так, что хотелось врыться в землю аки червя.

– Симба, твою мать, – Морхольд, лежа на спине, косился туда-обратно и пытался понять, чего же ждать дальше.

Запах зверя пробился даже через дождь. Сильный, заставляющий нервничать еще больше. Тот, что ни с каким другим не спутаешь.

Двуногое чудище чуть отступило, но сбегать явно не собиралось. Наоборот, здоровяк вращал свою убивалку все сильнее. Сколько в нем силищи, не получалось даже представить. Лев, порывивая, пока стоял на месте. Лишь чуть повернулся, дав заценить мощь мышц на ляжках. И вот тут многое встало на свои места.

Одинаковые шрамы. Старый и совсем свежий. Оба практически рядом, над левой лапой. Треугольная впадина, разрывающаяся книзу широкой полосой, сужающейся к концу. Морхольд сложил увиденное, как два и два. И покосился на вертящуюся смерть-колотушку. На острый треугольный шип, венчающий кувалду. Вот оно как... да они старые друзья. Мешать их встрече он и не собирался. Как-то оно невежливо, встречать в такую приятельскую потасовку и не дать им шанс укотрупить друг друга. Глядишь, повезет, и два чудища, натурально, ухендожатся по полной.

Ждать пришлось недолго. Серый, как грязь вокруг, как оставленные сзади ублюдки, как небо над головой, Симба решил первым. Бурые влажные комья, взрытые задними лапами, разлетелись во все стороны. Двухое страшилище уклонило, ответно протянув льва по бочине. А дальше Морхольд решил свинтить с сеанса этого захватывающего боевика.

Получилось не особо. Во всяком случае, по первости. Потом дело пошло.

Раскорячившись старой немощной черепахой и хлебнув жижи, он осторожно пополз прочь. Грязь не просто попала за одежду. Грязь стала практически второй кожей. Морхольд, всхлипывая, дергаными рывками перебирал руками-ногами, наплевав на жидкую прослойку, катавшуюся по нему. Наплевать. Главное – выбраться.

Не оглядываясь, сжав зубы, цепляясь за редкие мокрые ребра вбитых в дорогу кирпичей, пучки оставшейся травы, россыпь желтого щебня, Морхольд рвался отсюда. Со скоростью полудохлого ленивца, плюясь горькой тягучей слизью, размазывая по лицу сопли и слюни, он старался убраться подальше.

Там, позади, разметывая шрапнель жирных комков и россыпь водяных капель, ревели, сопели, уклонялись и били. Кто побеждал? Да черт знает, Морхольда оно не интересовало. Его интересовало совершенно другое. Спина отпустила. Ноги разогнулись, легко и непринужденно. И, вот удача, прямо перед собой он заметил развалившийся низкий заборчик из когда-то примотанных друг к другу металлических труб. Одна так и просилась в качестве костыля. Точно-точно.

Спорить с таким желанием Морхольд не решился. Подхватил ржавую железяку с остатками бело-рыжей краски и потрохал вперед. Точно к полуразвалившимся пятиэтажкам, между которых надо было выйти к конечной точке маршрута.

Дождь ударил с новой силой. Морхольд задрал голову кверху и харкнул прямо в серую мерзкую хмарь.

– Достал, слышь, достал!!!

Его почему-то никто не услышал. За исключением выглянувшего из одного окна уродца. Уродец, скорчив печеную картошку личика, харкнул в него в ответ. И спрятался. Морхольд хмыкнул и пошел дальше. Поковылял, вернее.

Двор, густо заросший кустами и сорняком, окружали самые настоящие джунгли. Высокие, темно-зеленые и раскидистые. Амброзия, проклятущая мерзопакость, после Беды как будто допинга глотнула. Разрослась повсюду, куда смогла дотянуться. И вот сейчас, поблескивая мокрыми листьями через стену дождя, шелестела даже сквозь шум воды прямо перед Морхольдом.

– Эх, парни, – вздохнул он как-то совсем печально, – и где ж мое мачете...

Оно не просто пригодилось, а было бы самое то. Но не судьба. Где-то позади рыкнули совсем уж ужасно непотребно и, раздвинув первые толстые стебли рукой, Морхольд решительно шагнул вперед. Порция воды, скатившаяся с листьев за поднятый ворот плаща, даже взбодрила. Хотя о простуде подумалось уже раз в пятый, если не в десятый.

* * *

Морхольд вынырнул из джунглей прямо как подводная лодка «Северодвинск», она же последняя оставшаяся перед бедой «Акула». Величаво, важно, сильно и, одновременно, очень быстро. Очень желая выбраться на свободу и глотнуть воздуха. Еле переводя дух и мокрый с головы до ног. Присвистнул, глядя перед собой. Обрадованно. Он вышел ровно в нужное место.

Высокая береза, выжившая и не сломавшаяся за двадцать лет. Крохотная будка подстанции. Невысокие домики за заборами из сетки-рабицы. Хотя от заборов как раз осталось очень

мало. И улица, раскисшая, бурая, ведущая к нужному дому высокому, кирпичному. Вернее, к его гаражу.

Морхольд рванул из последних сил, волоча трубу по грязи. Амброзия позади ходила ходуном от кого-то, решительно и неумолимо идущего за Морхольдом. На бег перейти оказалось как-то нетрудно.

Восемь дворов. Всего восемь дворов. Всего в длину – сто, край сто пятьдесят метров. Поди пробеги, когда падаешь через каждые три. Но он бежал. После пятого дома, розово-облупившегося, Морхольд оглянулся. И порадовался.

В этом раунде победил лев. Хотя и явно с трудом. Темное в сумерках пятно двигалось за человеком не так быстро, как тот ждал. Морхольд харкнул густым комком и в который раз пообещал бросить курить. Снова сам себе не поверил.

И постарался поднажать.

До гаража Морхольд добрался, опережая левушку от силы метров на двадцать. Перелетел через остатки штaketника, сломав несколько штук, и упал, зная, что успеваает. Труба пришлась как нельзя кстати. Крышка люка, замаскированного возле гаража, подделась легко. Морхольд полетел вниз, приземлившись на удивительно сухой пол, захлопнул стальную пластину, вставил трубу в ручку. И тут же, заревев и скребанув по металлу, на люк свалился лев.

– Болт те в рыло, драный удод, – оскалился Морхольд, – а не вкусная человечинка.

Он прислонился спиной к стенке хода. Выдохнул и прикрыл глаза. Тварь наверху ничего не сделает и внутрь не попадет. Первую часть своего пути Морхольд одолел. Пусть и с трудом, но справился.

– Хорош расслаживаться, – Морхольд отлепился от кирпича, – надо зашхериться лучше.

Как так вышло, что новые хозяева его дома, того, что был в детстве, оказались помещаны на выживании? Кто знает... но Морхольд в свое время страшно порадовался обнаруженному несколько лет назад. Сам дом, бесконечно изменившийся, ничего не таил. В отличие от гаража. Вот тут хозяин разошелся не на шутку.

Полтора этажа вниз. Бункер, прям как он есть. Толстенные стены, стальные перекрытия, запасы, погреб-ледник, несколько спальных мест, помывочная. Морхольд чуть не прослезился от счастья, обнаружив всю эту красоту.

Помог случай. Вернее, безветренная погода. И трупный запах, идущий откуда-то из-под земли. Крышку люка, хитро прикрытую дерном, он искал минут пять, несмотря на крохотность участка. Вскрыл сразу, благо изнутри она, считай, и не закрывалась. Хозяин умер не так давно, и, если бы не потепление, вряд ли Морхольд смог бы вообще что-то найти.

Тогда пришлось упаковаться в химзу, опасаясь какой-либо заразы. Но успокоился он быстро. Причиной смерти хозяина оказался банальный перитонит. Кожа на боку взбухла черно-зеленым желваком, кое-где лопнувшим и выпустившим гнусную мерзость пополам с кровью. Глядя на заострившиеся черты лица, Морхольд невесело поцокал. Умирать в двадцать первом веке из-за не удаленного вовремя аппендикса... грустно.

Он похоронил дядьку в дальнем углу, зарыв поглубже. И сказал спасибо. На клочке бумаги, зажатом в пальцах, красовались три цифры кода. Чертов альтруист и гуманист, подаривший Морхольду такое счастье. Почему? Кто знает. После Беды даже самые жадные порой удивляли человечностью поступков.

Код подошел к гаражному замку, причем дверь была заперта еще на несколько внутренних и наружных замков. Тогда, дождавшись, пока тамбур хотя бы чуть проветрится, он зашел внутрь.

И сейчас, слушая беснующегося льва, Морхольд в который раз помянул добрым словом бывшего хозяина бывшего родного дома.

– Спасибо тебе, добрый человек, – он подошел к двери во весь рост: высота тамбура позволяла. – Здравствуй, милый дом.

Дверь мягко осела, открываясь. Солидол, найденный километрах в пяти отсюда, оказался хорошим. Ну, после снятых сверху пяти сантиметров твердой корки. И еще треть пришлось выкинуть из-за треснувшего пластика сбоку. Банка шлепнулась с полки, треснула, и Морхольд нашел ее только по запаху, из-за своей мерзости навсегда вбивающемуся в память. А был он здесь в последний раз месяцев пять назад, не меньше. И ничего, дверь даже не скрипнула. Равно как и замок.

Судя по звукам сверху – лев не сдавался. Бояться, что зверь привлечет чье-то внимание, не приходило в голову. За пару лет Морхольд убедился в полной неприступности своей находки. Вряд ли местные ублюдки отыщут работающий автоген или много хорошего и сохранившегося ВВ, вроде того же пластита. Так что реви, беснуйся, разрывай землю, хрен с тобой. Глядишь, Симба, доберешься до бетона и коготки поломаешь. Морхольд ничего не имел против такого варианта.

Он прикрыл дверь, на ощупь, ногой, подтянул табурет и плюхнулся на него. Прижался, не скидывая вещмешка, к холодной стене и выдохнул. Добрался...

По спине, откуда-то из самой середины, мерзко покалывая и тоненько звеня, разбежалась ледяная паутина боли. Морхольд хмыкнул, понимая, что всякого рода различные болевые ощущения воспринимаются уже нормально. А разнообразие даже дает возможность не скучать и наслаждаться каждым новым видом тихой непрекращающейся пытки. И да, радоваться. Потому что если болит – ты еще жив.

Жизнь прям налаживалась. Хотелось бы сказать – на глазах, но это явно не правда. Во-первых, один глаз до сих пор прикрыт повязкой. Которую, к слову, поменять бы. Да и на руке тоже. Во-вторых – ни зги не видно. Хотя, как раз это исправить легко.

Морхольд протянул руку, нашел нужное. Спички, затянутые в презерватив, и стеклянную банку с гречкой. В гречку, чтобы стояла ровно, он сам когда-то воткнул свечу. Зубами разорвал латекс, чиркнул спичкой по чиркашу и – вуаля, да будет свет.

А свечка оказалась погрызенной. Морхольд вздохнул. Мышей ему здесь только и не хватало. Фитилек затрещал, замерцал, но гаснуть не собирался. Осветил «прихожую», блеснул на глянцевой облупившейся краске табурета, на ребрах решетки у входа. Да, это правильно. Хотя смысла почистить грязь с подошв он не видел. Ботинки умерли.

Одежду он сложил аккуратно. Нечего свинничать. И носки бросать куда попало не собирался. Дом – он и есть дом, неча в нем гадить. Стаскивать промокшую, жирную от впитавшейся бурой гадости «белку» вышло совсем плохо. Морхольд еле-еле разогнулся. Больше всего он опасался за свитер. Получится ли отстирать или нет, черт его знает. А вот высушить правильно...

Где-то здесь, внизу, должны стоять его «чуни». Точно, вот они. Пару коротких, по щиколотку, калош Морхольд нашел в одном из домиков поблизости. Таких же, как были у прадеда с прабабушкой. Даже советских, блестящих и с красной тканью внутри. Наскоро вытер относительно чистым низом «белки» ноги и пошлепал внутрь. Вернее, потащился.

Одно из главных сокровищ его личного бункера находилось в третьем кубрике. Аккуратно сделанная печка, подогревающая не только само помещение по старой, как грех, системе стальных труб. Но и емкость с водой. А емкость эту он сам наполнял в последнее свое посещение полностью. И даже налил холодной в огромные четыре канистры, стоявшие по стенке помывочно-отопительной комнаты.

По дороге Морхольд запалил все прочие светильники, разгоняя темноту. Мягкий рыжий свет ласково колебался, суля хотя бы и краткий, но уют. Старенькое шерстяное одеяло, оставленное на спинке кровати, оказалось кстати. Продрог он очень и очень сильно. Закутавшись от ушей до колен, Морхольд счастливо вздохнул. Тонкая и вытертая, но все еще колкая ткань обняла совсем как старый добрый друг.

– Хоум, свит хоум... – Морхольд поеживался. А как по-другому, если осень и даже снег на улице, а тут так вообще под землей? Так что дом, милый дом, стоило протопить.

За дым он не переживал. Самое главное – было бы с чего дыму идти. Хозяин бункера явно оказался с хорошей такой шизанутостью, соорудив свой тайный теремок со всем прилежанием. Дым из бункера выходил аж чуть ли не со стороны соседских участков. Как этот хитрец смог такое сотворить... Морхольд думать не хотел. Результат устраивал его полностью, а остальное – не важно.

Топить приходилось чем Бог пошлет. В последний раз, про запас, Господь Вседержитель смилостивился над несомненным грешником и послал не просто удобные и жаркие шпалы. Нет, повезло найти уголь. Самый натуральный, сваленный в сухую яму и закоксившийся за двадцать лет поверху. Сбив полметра черного монолита, Морхольд с радостью обнаружил жирно поблескивающие черные куски. Тачку получилось отыскать рядом. И вот сейчас вся эта благодать, вместе с загодя заготовленными дровишками и растопкой, пошла в дело.

Огонь взялся сразу. Сухие щепки, потрескивая, разгорались, за ними принялись мелкие чурочки. Морхольд, подвинув еще один табурет, сел, нахолившись, напротив печки. Смотрел на пламя, следя за его рыжими юными языками, радостно лижущими дерево. Времени много не потребуется, но как же сейчас оно начнет тянуться...

Холод, отошедший там, на поверхности, куда-то далеко, захлестнул полностью. Перекачиваясь под кожей морозными крохотными комками, он настойчиво звал спать. Просто спать. Но это не казалось верным решением. Так нельзя. А организм, пусть и изрядно потрепанный, должен выдержать.

Тем более, что если разобраться, кроме собственного тела ничего у Морхольда больше и не было. Да и то уже порядком поизносилось. И сейчас, ноющее и ослабевшее, оно настойчиво желало нырнуть в сон. И поэтому стоило с ним побороться. А то как справишься с огромным путем, лежащим впереди, если не сможешь заставить самого себя немного потерпеть?

А идти далеко... ох и далеко. Так Морхольд ногами еще не заходил. Что там ждать? Смешной вопрос. Холод, ветер, степи, волки и смерть. И надежда. Чего больше? Бес его пойми. Волки, это нехорошо... смерть всяко хуже. Разве что надежда греет. Как чай. От чая он был не отказался. Протянуть руку, взять один из двух горячих, исходящих паром котелков со сладким чаем. Лишь бы не облиться. И волки бы только не унесли. Жалко чая... Твою мать!

В себя удалось прийти чуть не ткнувшись лбом в малиновую от жара дверцу. Все-таки сморило, все-таки ослаб.

– Старость не радость... – Морхольд взял кочергу, гнутый прут от кровати, пошерудил в печке, забросил несколько полешек и подтянул таз с углем. Совок... совок, сволочь, куда-то пропал. А, вот он. – А маразм не оргазм. Эт точно.

Полено влезать не хотело, пришлось подтолкнуть кочергой. В поддувало сыпалась зола и, звонко звякнув, упало несколько гвоздей. Печь, струясь уже синеватым пламенем над рдеющими углями, жарила немилосердно. Бункер ощутимо прогрелся.

Морхольд затолкал последние деревяшки и пощупал бак с водой. Потихоньку тот тоже нагревался. Решив не тратить время потом, отправился в чулан за корытом. Пластиковая ванночка для грудничков вместо нормального корыта подходила хорошо. Одежду он притащил в охапке, сипя от боли в спине, но стараясь не уронить даже носка. Грязь в мыльне разводить не хотелось.

Мыло, несколько больших брусков, хранилось в жестяной коробке, запакованное в полиэтилен. Ножей в его убежище хватало. В свое время Морхольд специально распихал по каждому кубрику все возможные орудия убийства, не требующие перезарядки. Вот и сейчас, запустив руку за небольшой шкаф с рыльно-мыльными, он вытащил большой шеф-нож. Надо полагать, даже приснопамятный усач Баринов ужаснулся бы, увидев, для чего тот ему сейчас нужен. А Морхольда оно только веселило.

Дорогушая взаправдашняя японская сталь очень хорошо крошила заурядное хозяйственное мыло. Рубило его на мелкие куски, летящие в ванночку. Пахло мерзковато и одуряюще. Пахло предвестником настоящей чистоты, что не добиться никаким «Давом» с запахом жожоба и еще какого-либо говна. Чистая обувная щетка в мыльне тоже имелась.

Воздух прогрелся хорошо, до пота. Морхольд скинул одеяло, дошлепал к баку с горячей водой и открыл кран. Вода уже обжигала, он довольно хмыкнул. Набрал в ванночку, растворил мыло и забросил одежду. Свитер и носки замочил в холодной воде, а плащ растянул на крючках на стене. Просохнет, а там и ототрется все, что само не отлетит. За кожу Морхольд не переживал. Бывший хозяин смазывал ее добротнo, никакой ливень не покоробит. Ну, а теперь стоило заняться и самим собой.

Морхольд, стоя на досках в углу, слушал журчание воды и неторопливо мылился. Улыбался и в который раз опрокидывал на себя большой ковш. Грязь давно стекла вниз, в водосток, но отказать себе в удовольствии он не мог. Потому как прекрасно помнил...

Ветер мел поземку. Нежданно стало сухо, и от того даже холодней. Но сырость достала. Сырость проникала повсюду. Лезла за шиворот, внутрь одежды, в обувь. Хлюпала жижей в ходах сообщения и осаживалась мелкими-мелкими капельками на металле. Оружие приходилось сушить и смазывать по два раза на дню. Про помыться не было и речи. Но тут неожиданно стало сухо.

Чтобы нагреть воды для помывки четырех молодых организмов, хватит двух не самых толстых бревен. Вопрос только в том – где их взять? Ответ, как и всегда, был один. Пойти и разобрать тот забор, куда еще не добрались соседи. А таких оставалось все меньше. Но Гусь, совершенно уверенный в победе и чesавишийся больше остальных, решительно потопал к деревне.

Искомое нашлось не сразу. Пришлось поспорить с кем-то из местных, крившим отборным русским матом безо всякого акцента. Сошлись на трех банках тушенки. Но потом. Сколько «потом» они уже торчали – думать не хотелось.

Когда очередь дошла до места, где можно было просто намылиться, ополоснуться и не околеть завтра от крупозного воспаления легких, то единогласно выбрали погреб. Орудийный. Для гранатных ящиков. Тем более, что вырыли его больше требуемого и места там хватало. Оставив Палыча рыть узкую глубокую яму для воды, Гусь и Морхольд, тогда бывший вовсе даже не Морхольдом, отправились за досками для настила. К стоящим рядом армейцам. А Рибок пошел за посудой. К старшине.

Мыться хотелось нестерпимо. Последний раз в бане каждый побывал чуть ли не полмесяца назад. Два переезда сделали свое черное дело, превратив кожу из загорелой в темно-серую. От нагара соляры, тлевшей в коптилках землянки. От сажи из печи. От земли, в которой вырубали нары. От грязи, чавкающей в окопах и ходах последнюю неделю. От сожженного пару дней назад пороха. Гранат тогда они не пожалели, было с чего. Патронов сожгли тоже немало. В общем, стоило мыться. Тем более, что к пехоте привезли пополнение.

А пополнение, как ни крути, во время дороги успело обрасти. Видами. И спасало только одно – взвод с пополнением стоял за километр. Но профилактика есть профилактика.

Доски они приволокташили точно к моменту возвращения злющего Рибока. Тот, повесив спереди и сзади по термосу для еды, умудрился притащить еще и два ведра. Полных. Что ему стоило изображать из себя верблюда, становилось ясно по темному от пота бушлату.

– И кто ж тебя просил так убиваться? – Гусь философски закурил и покосился на доски. – Их бы ошкурить слегонца, а то занозы.

– Дрова пили, – бросил Рибок и повернулся к Морхольду: – Пошли за наждаком.

Гусь остался пилить и колоть. С гор набегала хмарь, грозя моросью, сыростью и туманом. Солнце лениво ползло к темным тучам над горами. Рибок злился и плевался. Как самый настоящий верблюд.

Старшина, подумав, нашел у себя кусок самой мелкой наждачки. Поглядел на злоющего Рибока и, подумав, выдал им бутылку паленой осетинской водки. И отправил к танкистам. Те стояли у соседнего взвода.

Водку они не отдали, а с танкистами поделились сигаретами, стыренными Морхольдом у старшины, пока тот искал Рибоку водку. Вместо наждачки танкисты обнаружили в «семьдесят втором» рубанок. Удивились сами и подарили початый флакон шампуня. Хмарь опускалась ниже, а от солнца осталась ровно половина.

Гусь, взяв рубанок, довольно кивнул. Пальч, вылезая из землянки, покрутил его в руках, сплюнул, обозвал обоих путешественников рукожопами и посоветовал побриться этим самым рубанком. Проведя им по доске, Рибок завернул совершенно непотребную руладу и передал рубанок Морхольду. Тот только пожал плечами и передал назад Гусю. Рубанок оказался тупым, как станок «Джилетт» после пользования его целым батальоном. Солнце спряталось, хмарь осела туманом у самой «зеленки», армейцы начали постреливать.

Доски положили как есть и накрыли чем смогли. Пальч достал из своего бездонного рюкзака старые резиновые сапоги, повздыхал и быстро, как делал все прочее по хозяйству, отрезал голенища. Получившиеся коврики он прибил с шести ударов. И пошел за первой порцией воды.

С неба полетела мокрая крупа. В окопах снова захлюпало. Заметно темнело. Туман за бруствером шевелился живым злым комком и изредка пугал непонятным шумом. «Бэха-двойка» армейцев, стоявшая с самого края их позиций, периодически потрескивала, вгоняя внутрь серой мглы полосы трассирующих снарядов.

Морхольд пошел мыться предпоследним. Спустился с НП, передав почти разряженный НСПУ Рибоку, и, загребая грязь, отправился к погребу.

Пальч натянул две палатки, прижав их ящичками, и одну приспособил пологом, хоть насколько-то закрыв помывку от ветра. А тот был уже час, не переставая.

– Давай быстрее, – Гусь, передав единственную на всех мочалку, вытертую, с двумя дырками, торопливо застегивал «разгрузку». – Пальч еще не мылся. А я тоже на пост. Чет мне как-то страшиновато.

– Угу, – буркнул Морхольд, повесил АК за спину, засунул мочалку за пояс, подхватил оба ведра и пошел. Шлепнулся он перед самым погребом. Но вперед, успев выставить колено и широко разведя руки. Ошпарило кипятком чуть-чуть. Его и плескалось-то в ведрах где-то на треть.

Света под натянутым брезентом хватало ровно для того, чтобы встать и не упасть. Морхольд торопливо стащил одежду, поеживаясь от холода, замешал воды в одном ведре и взялся мылиться.

Когда он посмотрел на свою собственную ногу, то даже оторопел. Сажка, копоть, грязь... просто текли по коже. Темно-серыми ручейками. Он поставил обе ноги рядом и присвистнул. Надо же, он превратился прямо-таки в испуганного и побледневшего до серости негра, не иначе.

* * *

– Чуть не заснул, опять... – Морхольд встал с мокрых и остывших досок. – Беда, чего и говорить.

Сон, поднявший прошлое, заставил улыбнуться. Да, тогда тоже было несладко. Угу, так и есть. Но он все же променял бы эту жизнь на три, а то и пять повторов прошлой. На те полтора года, пусть и превратившиеся бы в семь с половиной. Потому что та война все равно закончилась. А вот Беде ни конца, ни края не видно.

Теперь стоило заняться и здоровьем. Как раз сейчас он и руки дополнительно отмое. Морхольд добрал до ванночки с одеждой, когда его повело в сторону. Он уцепился за стену, осторожно присел. Организм вырубался. И только последней проволочки его внутреннего предохранителя хватало на какое-то время. Закутавшись в одеяло, пошуровав кочергой в печи и добавив полтора совка угля, Морхольд побрел в жилой кубрик. Свечу он затушил пальцами, наплевав на ожог. Стоило поторопиться.

Бинты, настойка на спирту и стрептоцид. Стрептоцид накрошил ручкой шеф-ножа на кусочке марли. И еле-еле выдавил в спирт мазь Вишневского, срок годности которой вышел давным-давно.

Протер свежие ссадины спиртом, шипя сквозь зубы. Достал небольшое зеркальце на подставке и, запалив еще пару свечей, принялся снимать повязку с глаза. Та, отмоченная, пошла хорошо. Лучше, чем перевязка на пальцах. Морхольд поднял зеркало, приблизил, присмотрелся.

Ну... плохой результат всяко лучше никакого. И даже уже можно что-то разобрать. Он вздохнул и начал втирать мазь в кожу. Закрутить голову аккуратными полосками получилось не особо, рука начала отдавать болью, мешала. Но Морхольд справился. И только потом, замешав остатки мази со стрептоцидом, густо засыпал пальцы. Будет толк, не будет, черт знает. Все равно больше ничего нет.

Заматывал руку уже на автопилоте. И на нем же, еле переставляя ноги, добрался до кровати. Натянул одеяло до живота и выключился. Полностью и бесповоротно.

Над головой звонко свистнуло, еще и еще. Молодой Морхольд шлепнулся мордой вперед, грызая сухую выжженной земли. Пули, задорно чирикавая, впились в бруствер, кололись летящими комочками суглинка.

– Твою мать, Клен, прикройте меня! – орал где-то позади лейтенант. – Клен, Клен!

Клен отвечать не торопился. Кто знает, могли и глушить. Морхольд, отжавшись от земли, покрутил головой по сторонам. Воняло порохом и свежей кровью. Слева кто-то выл на одной высокой ноте. Грохотал пулемет Шомпола. Весело сверкая, разлетались трассеры. Лейтенант все звал Клена. Тот не отзывался.

Гулко бухнул его, Морхольда, гранатомет. До позиции ребята все-таки добрались. Ему тоже стоило поторопиться. И Морхольд, пригибаясь, побежал по траншее. Над головой продолжало свистеть и чирикать, закидывая за воротник острое и колкое.

Вой, вибрируя, приближался. Морхольд выскочил в небольшой завиток, раздваивающий траншею. Вой обхватил его со всех сторон, заставляя выбросить из себя недавний ужин. Он ухватился за дерн, колкий и высохший от жары, удержался на трясущихся ногах.

Выл капитан. Выл, глядя в небо белыми глазами. Он лежал на спине и держался за итанину. У колена. Чуть выше него. А ниже, поблескивая в остатках солнца чистой белизной с одним-единственным алым разводом, торчала кость. От нее, висая на красных, желтых и еще каких-то ниточках, вниз уходили лохмотья. Капитан выл.

Земля сыпанула гуце, в траншею, дико блестя глазами, скатился Младшой. В руках Младшой почему-то держал растяжку от палатки. Морхольд, косясь на него, начал вставать.

– Прижми его! – быстро и тихо-тихо, подмигивая, зашептал Младшой. – Ну, прижмай!

Морхольд прижал. Навалился на капитана, почти сел сверху, закрывая Младшого. Капитан забубнил, сбившись со своей одной ноты, заплелся и начал махать руками.

– Держи! – Младшой резко развернул покалеченную ногу, воткнув ипрещ. Капитан побледнел и начал уплывать куда-то вглубь себя. Морхольд навалился сильнее, чуть оглядываясь.

Младшой, сопя, дергал оставшийся кусок каната. Как он продел лохмотья внутрь... мысль мелькнула и пропала. Медик с силой рванул канат вверх, прижимая деревяшку самой растяжки выше колена. Кровь брызнула, еще... и сразу стала течь медленнее. Младшой, сопя громче, торопливо бинтовал.

Морхольд дернулся и резко сел. Спину проткнуло раскаленным шилом, но терпимо. Он хватал воздух ртом и не мог надыхаться. В кубрике стало ощутимо прохладнее. Чертов сон оказался прям в руку. Стоило подкинуть угля.

Он пошаркал к печке, мотая головой и ворча. Память подкидывала по ночам разное. Казалось – чего только не видел, чего только не делал. А во сне, вот ведь хрень, вновь становился самим собой больше двадцати лет назад. И как тогда же, как в первый раз, сердце колошматило раза в три быстрее.

Сигарету он прикурил медленно. Сел, глядя на угли в печке, задымил. Самокрутки ему дали с собой хорошие. Крепкие, но не горлодерки. Дым пах сладковато, мирно. Такие же он курил перед Бедой, дорогие, турецкие. Как там ее? Латакия, да. Какой-то интересный сорт табака, точно. Окурочек отправил в печку щелчком, забил ее полностью и отправился досыпать. С утра его ждало много дел. Силы понадобятся.

* * *

Морхольд приоткрыл глаз, пытаясь что-то рассмотреть. Само собой, не вышло. Он нащупал спички на тумбе у кровати, запалил свечку. И поморщился. Ничего и никуда не пропало, отдаваясь хрустким звонким щелчком где-то в поясище.

Сколько проспал? Непонятно.

Морхольд откинул крышку деревянного ящика, стоявшего у кровати, достал чистый камуфляж, старенький, но крепкий «Вудленд». Белье, чистые теплые портянки. И дождавшийся своего часа яловые сапоги. Оделся, обулся, ощущая, как сильно хочется есть. Надо было что-то сообразить.

Сообразить вышло не особо много. Солонина, банка гороха, закатанная вручную в Кинеле, кусок сыра. И вода. Желудок довольно заурчал. Морхольд, жадно глотая желтые куски мяса, прохромал к лестнице, ведущей наверх. Стоило понять – что творится на улице.

Надстроенный второй этаж у гаража венчали четыре окна, плотно закрытые стальными ставнями, открывающимися и запирающимися изнутри. Морхольд подошел к левому, выходящему на самую улицу. Осторожно, чтобы не звякнуть, поднял крышку, закрывающую смотровую щель. Выглянул. Ну, как и предполагалось.

Серая хмарь. Крапающий дождь. Остатки утренней наледи на лужах. Качающиеся черные деревья поодаль. Каркающее воронье, тучей выходящее там же. Добрый и милый пейзаж. Льва не наблюдалось. Морхольд довольно кивнул и похромал вниз, стирать.

Нагреть воду все-таки пришлось. Отстирать чуть ли не килограмм-полтора всякого дерьма, добравшегося даже в белье, холодной не получилось. Но Морхольд не жаловался. От постоянного движения в спине приятно грело и боль отступала. А еще он вроде бы не заболел. Ни соплей, ни кашля.

Возился со всем он часа два, не меньше. Потом занялся плащом и приготовил обувь. Отчистил, где-то отмыл, нашел высокую банку гуталина, отковырнул засохшую черную пасту, разогрел, смазал сапоги. И только потом, растянув плащ на стене, начал натирать его жиром. Жир, свиной, топили в Кинеле, и Морхольд, несмотря на тяжесть, притащил сюда небольшую канистру с широченным горлом. Воск, конечно, был бы лучше, но такого сокровища он не видел все последние два десятка лет.

Высохшая после стирки щетка, лежавшая на горячей печке, пригодилась снова. Хотя швы ему и пришлось промазывать небольшой тряпкой, по основной площади немаленького плаща Морхольд прошелся именно щеткой.

За делами он и не заметил, как на улице, под начавший снова выть ветер, тяжело свалились чернильно-темные сумерки. Ужин был таким же обычным и надоевшим, как и завтрак. Разве что на десерт – несколько сушеных яблочных долек. Морхольд, дожевывая последнюю и старательно разгоняя кислотовато-сладкую слюну по рту, уже пожалел о Кинеле. Кто его знает, встретится ли еще место, где славные «мичуринцы» смогли выращивать в теплицах низенькие яблоньки? И огурцы. Вот огурца соленого сейчас бы...

– И водки. С перцем. И сала. И борща... – Морхольд усмехнулся собственным обнаглевшим мыслям и решил окончательно себя добить. – И пельменей. С зеленым лучком и сливочным маслом... Ты, Морхольд, моральный урод. И больше никто.

Стоило перекурить. И присесть. Спина опять наливалась остро стреляющими крохотными разрывами. А собирать манатки в поход можно начать и чуть позже.

Он закурил, наслаждаясь дымом. И теплом. И покоем бункерка. И, наконец-то, сознался сам себе в том, что ему страшно. Безумно страшно отправляться в намеченный поход. Крайне жутко выходить наружу. Возвращаться в безумие свихнувшегося мира Беды. Опасаться слов клятой ведьмы, наговорившей про путь покаяния с поеданием стальных караваев. И очередной осечки у оружия, которой не должно быть.

Печка потрескивала, даря тепло. Одежда, развешенная на веревках, практически высохла. Жаль, утюга в хозяйстве не водилось. Морхольд фыркнул, вспомнив недавние собственные фантазии про еду. Да, комфорт и полные холодильники померли давно и безвозвратно. Много чего померло.

Например, шаурма. Или шаверма? Да какая разница-то... все едино. Или беляши на рынках... собери трех котят, угу.

Ладно. Он посмотрел на рюкзак, что собирался взять вместо вещмешка. И даже задумался. В чем-то старенькая торба куда лучше. Но зато сюда войдет больше необходимого. Да и дырки латать... А необходимое тащить стоит в обязательном порядке. Тем более, что услуги кое-кого дороги и необходимы ему как воздух. Куда он собирался? Ну, как куда?

В аэропорт.

Летуны, обитавшие в бывшем областном Курумоче, могут подсобить в самом начале пути. Слышал он, что те регулярно мотаются в сторону Саратова. Несутся по воздуху, аки раньше. Разве что не так быстро и безопасно. Хотя, опять же, смотря какое «раньше» рассматривать.

Он вполне знал, чем расплатиться за перелет. Два небольших чемоданчика, аккуратно упакованные, сейчас стоили дороже любого золотого браслета в палец толщиной. Почему? Потому что внутри чемоданчиков лежали автономные плитки, работающие на баллонах с газом. Газ у летунов явно водится. А уж баллоны Морхольд захватит с собой.

Вообще, размышляя здраво, порой приходилось просто-напросто поражаться. Удаче и не иначе как высшему благоволению к человеческому роду. Загадили матушку-планету, превратили атмосферу в решето, залили все огнем и радиацией, и вот, смотрите, регулярно кто-то да сталкивается с чудесами. Морхольд столкнулся с четырьмя небольшими баллончиками, по какой-то причине полными газа. И работающими. Так же, как и плитки. И думалось ему, что за такое богатство место себе он приобретет обязательно. Только бы добраться.

С такими мыслями он вновь отправился спать.

* * *

Утром, проделав все заново, кроме стирки одежды, побрятев и отжавшись от пола, почувствовал прогресс. Спина чуть заткнулась. Ну и хорошо. Пора бы уже и собираться.

Плитки легли в рюкзак друг на друга. Баллончики Морхольд смог впихнуть по бокам, даже чуть добавив жесткости. Что еще?

Тубус с фотографиями? Старый друг, из-под порохового заряда к его армейскому СПГ. Точно. На место.

Еда? Конечно. Сало, пакет с сухарями, две драгоценных банки тушенки свежей варки и закрутки, две фляги с водой. Одну на пояс, вторую в рюкзак, во внешний карман. Фляги Морхольд предпочитал металлические, еще советского производства. Казались они ему надежнее легких пластиковых. Ретроград, что еще тут сказать?

Спирт? Еще бы.

Вещи? Высохли. Повезло: после стирки в холодной воде и сушки на столе ни свитер, ни носки не пострадали. Свитер он нацепил сразу. Носки убрал в мешок. Пригодятся потом.

Смена белья – туда же. Портянки, катушка черных ниток и две иглы. Соль в пластиковой баночке с закручивающейся крышечкой. Несколько упаковок настоящих бинтов. Спички и веревка.

На обмен и торговлю с собой у Морхольда еще оказались несколько полезных вещей. Набор хирургических инструментов, найденный в бывшей больнице Отрадного. Два комплекта кружевного женского белья из небольшого торгового центра. Насколько Морхольд слышал про легунов и их привычки, сводящиеся к местным кабакам и их девочкам, белье придется в кон. И еще одна чудесная вещь: иллюстрированный справочник по детским болезням. С фотографиями и действительно качественными изображениями ветрянок, корей, скарлатин и даже панариция.

Так, что пойдет с собой в разгрузочный комплект, что таки придется надеть? И на португею? Конечно, только необходимые вещи.

Пара цилиндров с ракетами. Компас на широком ремешке, старый и надежный. Еще одна упаковка спичек и ИПП. На пояс Морхольд повесил небольшой топорик. Топорик ему нравился, удобная штука, как бы охотничий. Нож, вдобавок к складному кривому, взял обычный НР. Он пришелся по душе Морхольду своей незамысловатой простотой и надежностью. И тот самый, спасший их с котом, сотворив рогатину. Туда же, во внутренний карман.

Оружие? Почему-то Морхольд не сомневался: что-то пойдет не так. Мысли подтвердились у оружейного шкафа. Вот здесь помешанность хозяина бункера на безопасности и раньше играла не самую лучшую роль.

Стальной ящик, утопленный в бетоне, закрывался на кодовый замок. И что случилось с клавишами, простыми металлическими кнопками, Морхольд не знал. Они просто не утапливались внутрь. Чуть прижимались под пальцами... и все. Слова Мэри Энн про железные караваи с посохами жутко и серьезно принимали совершенно реалистичную окраску. И даже злиться если и хотелось, то не так и сильно.

– ... твою в ... – Морхольд шарахнул кулаком по дверке. Та загудела, Морхольд зашипел и начал дуть на пальцы. – ...!

Он сплюнул. А что еще оставалось? Рвать? Так нечем. И даже зубила с кувалдой нет. А были бы? Против сейфа? Да не смешите мой пупок.

Резервный план, да-да. Резервный, мать его, хреновый план.

Морхольд, ругаясь на собственную лень, из-за которой отличный план грозил сорваться, едва начав претворяться в жизнь, отправился в последний кубрик, служивший чем угодно, включая мастерскую. Резервный план состоял из дюралюминиевой трубы, трех болтов с гай-

ками и найденного давным-давно стального тупого пера, приваренного к хвостовику с отверстиями. Слава Ктулху, в дюрали отверстия тоже имелись. И практически совпадали. Разве что само перо он так и не удосужился заточить как следует. Тогда он работал долго. Напильником, точилом, даже шлифовальным кругом от болгарки, найденным в хозяйственном магазине какого-то ИП Николаенко. И вроде даже заточил. Ну, так, с пивом и в плохой день.

С болтами пришлось повозиться. Так же, как и с хвостовиком, категорически не желавшим садиться на черен до конца. Благо, что и тиски, и кувалдочка здесь имелись изначально. Через полчаса, мокрый, но довольный Морхольд любовался полученным копьем. Или еще чем-то таким же. Копье имело просто нереально апокалиптический вид, прямо как в фильмах и книгах, что он любил в детстве.

– Я прям Хьорн-охотник, ага... – Морхольд покачал новенькую приبلуду в руках. Ну... вес и балансировка явно не соответствуют друг другу. Он расплавил немного найденного когда-то свинца, прям как в том же детстве, и сотворил противовес. Теперь порядочек.

– Пора в путь, – приказал он сам себе, категорично и непререкаемо.

– Давно пора, – со вздохом согласился.

Последними штрихами оказались спальный мешок, надувная лодка, насос-лягушка и черпачки, идущие в комплекте вместо нормальных весел.

Впереди у него минимум две полноводные речки. Кинель и Сок. И если через Кинель, чуть подальше, мост стоит, то как дела с мостом через Сок – кто знает? Он не знал.

Перед уходом, попрыгав с рюкзаком за плечами, Морхольд даже расстроился. Придется не просто тяжело. Придется очень сложно. Присесть на дорожку не получилось, ибо спину потянуло так, что сядь – не встанешь. Но Морхольд не расстроился. Не верил он в приметы.

Когда-то родная улица встретила негостеприимно. Он совершенно не удивился бы дождю. Но Бог миловал, чуть кропило моросью, и все. Зато ветер лютовал не на шутку. Так и плевался в лицо каплями, старательно выбивая слезу из глаза. Капюшон надевать он не рискнул, тот сильно закрывал обзор. Вязаная шапочка-маска оказалась в самый раз.

Морхольд шел, месил грязь и смотрел по сторонам. Вокруг все, как и обычно. Необычна только конечная точка маршрута. На такое расстояние он еще не уходил. Но все же бывает когда-то в первый раз.

* * *

До моста добрался без происшествий. Пару раз пришлось прятаться в кустах, заметив вдали сначала стаю собак, потом стаю «серых».

Морхольд через ветки клена, низкие, покрытые каплями, присмотрелся. Он искал глазами опасность, ощущаемую и осязаемую. И не находил. Ну не было ее, даже если присмотреться получше.

Река, черная и ленивая. Мост, бетонный и старый. Тот берег, нужный и еле заметный за туманом. Ничего больше. Разве что под мостом завелся тролль, как в сказках. Но троллей под мостами Морхольду пока не встречалось. А ждать дольше – просто не стоило. Удачу нужно ценить и беречь.

Даже на мосту под подошвами чавкала земля. Серое полотно оказалось густо заляпанным грязью и испещренным отпечатками ног, лап и копыт. Это порадовало. Мостом пользовались. Значит, и вес выдержит, и опасности ждать особо не приходилось.

Морхольд дошел практически до самого конца. Туман, слева от ограждений, загустел, потемнел и зашевелился. Морхольд остановился, сплунув. И впрямь, все когда-то случается в первый раз. Вот тебе и тролль. Или что хуже.

Тролль впечатлял. В ширину – никак не меньше чудовища, желавшего замочить Морхольда кувалдо-колотушкой. Даже внешне существо весьма напоминало ту дрянь. Разве что

чуть ниже, и морду прятало за темным и удивительно целым экраном сварочной маски. И вместо убей-колотилки на плече тащило самую настоящую деревянную дубину, густо усеянную разнокалиберными ржавыми шипами. Мост даже ухнул, когда та пошла вниз и стукнулась о бетон.

– Беда-а-а-а... – протянул Морхольд. – Ну и чего мне с тобой теперь делать?

Троль молчал и сопел. Густое белесое дыхание пробивалось снизу маски, клубилось, смешиваясь с туманом. Позади сухо щелкнуло. Очень знакомым звуком предохранителя, поставленного на боевое положение. Голос любителя подкрадываться оказался под стать, сухой и скрипучий.

– Ты не смущайся, человеке... кхе-кхе... скидывай все. И вали себе откуда шел.

Дом у дороги-4

Одноглазый сел на ступеньку лестницы, положил на колени оружие.

Лошадки Чолокяна мирно хрустели из торб. Тихо посвистывали сырые дрова в раскаленной бочке. Сам Чолокян, что-то шепча во сне, ворочался и порой похрапывал. Остальных одноглазый не слышал. Не услышал и Багиру, подошедшую сзади. И вздрогнул, только когда та опустилась на ступеньку выше.

– Стареешь?

– Да никто не молодеет, – мужчина залез во внутренний карман, достал портсигар и закурил.

Багира втянула запах самосада и поморщилась.

– До войны смолили и смолили, и сейчас никак не бросите.

– Сама не курила?

– Бросила... давно.

– Ну и не завидуй, не порть кайфа.

Какое-то время молчали.

– Откуда меня знаешь? – женщина начала разговор первой. – Ни разу тебя не видела.

Одноглазый хмыкнул:

– Зато я видел. Как раз один раз. И слышал.

Багира поерзала.

– Надо же. Наша слава опережает нас самих.

– Типа того. Ты красивая.

– Ишь ты... – женщина, это одноглазый понял сразу, улыбнулась. – Давно мне такого никто не говорил. Да красоты-то и не осталось.

– Это тебе так кажется. Красота она либо есть, либо нет. Испортить ее трудно.

– Даже шрамами?

– Даже ими.

– Ну да...

В дырках окон снова загрохотало. Зимняя дикая гроза бушевала не на шутку. Молнии втыкались острыми белыми вилами чуть ли не в стены. Одноглазый покосился на женщину. Он сказал ей правду. В блеске сумасшедших небесных разрядов это полностью подтвердилось.

Красивый, поистине королевский профиль тонкого, чуть длинноватого носа. Плавные брови над пусть и небольшими, но правильными глазами. Яркие полные губы, созданные для улыбок. И поцелуев. И их совершенно не портил шрам, идущий от подбородка до носа.

– Красивая? – она вздохнула. – Красивая. Была когда-то красивой. Помнишь, перед войной в рязанское высшее начали девчонок принимать?

Одноглазый кивнул. Он помнил. Хотя и не понимал. Ни тогда, ни сейчас.

Багира замолчала. Ненадолго.

** * **

...помнишь, да? Сперва смешно смотрелись, это точно. В Контакте, когда первые фотографии с присяги появились, сколько глумились. Идите борщ варите, а вон та, рыжая, ниче так, девушка, это автомат, а не член, держите крепче, не бойтесь. Половина тех, кто такое писал, в армию даже тогда идти боялись. На год. Ссали и просили мамку с папкой денежек заплатить и отмазать. Но то ладно.

Нас в Новоросс отправили. Как раз на втором курсе были. На горную подготовку. У моря лазали, а потом на Кавказ отправили. То ли повезло, то ли нет. По Новороссу же как били, знаешь? Там спеклось все, что могло спечься... наверное. Не была, что мне там делать?

До Кавказа мы так и не доехали. Через Ростов должны были отправить, поездом. А мы встали, что-то с путями случилось. То ли перед нами комбайн сбили, то ли еще чего. Какой комбайн? Да хрен знает, «Джон Дир», возможно. Да ну тебя, самый настоящий комбайн, на переезде. Да. Ты слушаешь? Вот и не перебивай.

Самое смешное, что оружие у нас было с собой. Настоящее, и патроны тоже. По два рожка на каждую. На каждую, да. Два взвода девчонок в голубых беретах. И пять мужиков на нас всех. Капитан, два лейтенанта и сержанты. Медбратья. И тут как раз и шандарахнуло.

Укрылись в старом убежище, те очень кстати приводили в порядок. Просидели с неделю, наружу носу не совали. Капитан полез к дозиметрам, а те не работают. Дядька, ГО-шник стационарный, чуть не обмочился, когда его к ответу потащили. Хотели его же и выгнать наружу, проверить. Но не получилось.

С той стороны к нам давай колотиться. Кричат, открывайте, норма на поверхности. Гражданские? Конечно много, половина состава точно. Куда делись? Разбежались. Они ж как стадо. Половину успели загнать, и хорошо. Остальные по кустам – и к станции ближайшей. Гражданские давай вопить – не пускайте и все такое.

ОЗК? Обижает. Мы женщины, но десантники. У каждой из нас еще и по зимнему маскхалату было. Потом и пригодилась. Следующей же зимой. Открыли? Да, одного запустили. В предбанник. Капитан и один сержант вышли туда же.

Как вернулись, смотрим, а они просто не в себе. Всем давно уже ясно стало – что да как случилось. Но тут говорят точно – все мертвое у Краснодара. И от Ростова никто не отзывается. Хотя вокруг по станциям людей много. И снаружи не то что норма, но и не так уж и страшно. А чего удивляться? А, ты и не удивлен? Сталкивался?

В общем, пришли именно со станции. Глава местный и еще кто-то с ним. Говорят, станцию какие-то бандиты окрутили. Объявили себя властью и уже начали жить кум королю. Тем более – половина нашего состава туда убежала. Их-то первым делом и определили в рабочий класс. Кто определил? Те бандиты.

Глава не договаривал, скотина жирная. Его же станичные менты да охрана с ближайшего какого-то комбината и решила всех под себя подмять. Человек двадцать скотов набралось, не больше. Все охотничье оружие у людей забрали. Посты расставили, за околицу никого не пускали. Ну, что делать? Капитан подумал и даже не стал плебисцит устраивать. Какая, на хрен, демократия, это армия.

Вот тогда в первый раз мы с девчонками и повоевали...

* * *

Багира вздохнула. Одноглазый протянул ей флягу с водой. Та пила, чуть морщась. Вода здорово холодила два раскрошившихся зуба. Прямо как тогда...

* * *

Догорал невысокий дом прямо по улице. Рядом с забором неподвижно и страшно лежала фигура в голубом берете. Еще одна свисала с краиеных досок. Из дома недавно выскочила полыхающая фигура, вылетела, дико крича и мечась из стороны в сторону. Патронов на нее никто из девчонок не потратил. Сейчас тело догорало поодаль, жутко воняя сгоревшим мясом.

Багира, опустошив желудок, лежала за кучей песка. Ждала возможности помочь девочкам, зажавшим тройку ублюдков в доме по правую сторону. Жевала кисточку шелковицы, рассыпанной по земле. Медбрат, раненный в плечо, старался не шевелиться. Кровь густо проступала поверх бинта.

Местные не ввали. Дозиметры практически не трещали. Тучи на небе... а когда их не бывает? Солнца нет? Не страшно. Люди страшнее.

Когда разведка добралась до крайних хат, часового они нашли одного. Пьяного и спящего. Связывать капитан не стал. Молча провел ладонью по горлу и кивнул сначала на часового, потом на подчиненную, Лизу. Лиза справилась. Без сожаления... практически. А остатки его, если и были, разлетелись чуть позже. Сразу за дверью первого же домика.

Багира, ворвавшаяся внутрь с бешено колотящимся из-за тонкого детского крика сердцем, не думала. Державшему девчонку за руки – вынесла мозг с первого выстрела. Тому, что пыхтел над малолеткой, врезала промеж тощих волосатых ляжек и только потом, откинув его в сторону, забила до смерти ногами и прикладом АК. Тогда желудок не бунтовал.

Багира дождалась. Выбрала спуск, спокойно глядя в убегающую спину. Приклад толкнул в плечо, силуэт упал. Она села, положив автомат на колени, и стала жадно глотать воду. Чуть ныл зуб, зацепленный крошкой кирпича, когда в нее стреляли. Губа распухла, но уже не кровила. Стрельба стихала. Сложно справиться с десантурой из Рязанки, даже когда в ней почти одни бабы, что и говорить.

Последний из тройки, прятавшейся в доме, остался в живых. Ненадолго, надо думать. Саша с Аней, заломав немало парня, волоком тащили его в центр станицы. Багира встала и пошла к ним, помогать.

Станичные собирались. Стояли, косились на девок в камуфляже и голубых беретах. Перешептывались, щелкали семечки и нервно курили. Багира, сидевшая на прилавке для торговли пенсионеров, смотрела и поражалась. Все как всегда. Просто люди. Просто военные. Просто преступники. Как будто никакой войны, никаких ядерных ударов... Уже потом ей рассказали про станичного врача, имевшего сдвиг по поводу ядерного удара и всего прочего. Так что результаты замеров тот станичным довел оперативно. И пока не было дождей, люди не боялись.

– Тихо! – капитан вышел вперед. – Слушайте меня!

Люди притихли. Косились и шебуришали, приходя в себя и расслабляясь. Беда отступила. Так они думали.

– Мы только что уничтожили тех, кто пытался превратить вас в рабов, – капитан заложил большие пальцы за портупею, покачался на каблуках, – наплевав на общую беду. Так вот... станичники, мы это сделали не за просто так. Вы нам немного должны. Сколько? Это вам глава администрации расскажет. А сейчас, чтобы у вас не возникало сомнений в нашей решимости защищать вас всеми возможными способами, проведем публичную демонстрацию наказания за убийство, изнасилование и вооруженный грабеж. Суд теперь один. И это мы.

Притащенный здоровяк, уже разложенный на земле и крепко привязанный за руки-ноги к палаточным длинным кольям, вбитым по самые «ушки», заорал. Багира вздохнула, приложила к флажке. Блевать, так хоть чем-то. Было с чего.

Кол, крепкий, смазанный маслом-переработкой, ему воткнули в задний проход. В паз на конце кола вставили веревку, а ее саму прицепили к морде УАЗа-буханки, служившего здесь за скорую. А машина стояла прямо перед лицом матом орущего детины.

Капитан посмотрел на него, закурил и, бледный, сухой, сел за руль. Бандит заголосил сильнее, заплакал детским плачем. В толпе закричали, двигатель УАЗа зажурился, машина двинулась вперед. Крик ушел в инфразвук, стеганул по ушам плеткой и оборвался.

* * *

– Они потом и не спорили... – Багира почесалась в затылке, – дали все, что нужно. Нас построили и предложили выбор. Идти домой, с боекомплектom и сухпаем, или влиться в ряды наемной роты.

– И ты ее выбрала?

– Нет, – Багира зевнула, – я ушла домой. Пешком. Добралась до границы с Ростовом. И потом вернулась назад. Пойду вздремну.

Глава 4

Доказательства жизни

*Самарская обл., с. Красный Яр
(координаты: 530°29'51" с. ш. 50°239'20" в. д.),
2033 год от РХ*

– Вот ты чудак человек... – гном присвистнул, закуривая самокрутку. – А табак у тебя знатный, духовитый.

Морхольд улыбнулся, глядя на него. Парочка поражала. Просто своим наличием. Непохожестью, серьезностью и вообще. Хотя еще час назад он и не думал улыбаться. Не до того стало.

* * *

Морхольд дошел практически до самого конца. Туман, слева от ограждений, загустел, потемнел и зашевелился. Морхольд остановился, сплюнув. И впрямь, все когда-то случается в первый раз. Вот тебе и тролль. Или что хуже.

Тролль впечатлял. В ширину – никак не меньше чудовища, желавшего замочить Морхольда кувалдо-колотушкой. Даже внешне существо весьма напоминало ту дрянь. Разве что чуть ниже и морду прятало за темным и удивительно целым экраном сварочной маски. И вместо убей-колотилки на плече тащило самую настоящую деревянную дубину, густо усеянную разнокалиберными ржавыми шипами. Мост даже ухнул, когда та пошла вниз и стукнулась о бетон.

– Беда-а-а-а... – протянул Морхольд. – Ну и чего мне с тобой теперь делать?

Тролль молчал и сопел. Густое белесое дыхание пробивалось снизу маски, клубилось, смешиваясь с туманом. Позади сухо щелкнуло. Очень знакомым звуком предохранителя, поставленного на боевое положение. Голос любителя подкрадываться оказался под стать, сухой и скрипучий.

– Ты не смущайся, человеке... кхе-кхе... скидывай все. И вали себе откуда шел.

Тролль что-то пробухтел. Ну точно медведь в зоопарке. Морхольд сплюнул.

– А если болт на воротник?

Тролль неожиданно зауhal. Прямо как сыч. Засмеялся?

– На каждый хитрый...

– Полна жопа огурцов, точно, – Морхольд еще раз сплюнул. Круто, прямо как в боевиках. – Так поговорим, может, или будем фольклором меряться? Писькомерство, оно ж для школьников.

Тролль зауhal сильнее. Морхольд натурально разозлился. Ситуация казалась идиотской. Но сзади тоже, сухо и скрипя, засмеялись. Засмеялся.

– А че ты такой дерзкий? Бессмертным ся считаешь?

Морхольд покачал головой.

– Я сейчас обернусь. Медленно.

– Да хоть быстро. Ляля, подойди поближе. Вбей его по колена, если дернется.

Ляля? Твою дивизию... Морхольд цокнул языком, глядя на громаду, двинувшуюся к нему. Тролля звали Лялей. Если он еще и девочка, ну чего тут скажешь? Век живи, век удивляйся.

Он обернулся, стараясь не обращать внимания на тяжелый топот за спиной. Интересно, громада специально вот так бухает ножищами? Нагнетающе-депрессивный эффект, ага. Психологи подмостовые, етить их за ногу. Воображения вполне хватало. И быть вбитым по колени Морхольду не хотелось.

От де-е-ела-а-а...

Мальчик-с-пальчик. Годзилла-транссексуал Ляля и крохотуля-гоблин с адски злобным морщинистым личиком. Вот только глаза... точнее, глаз оказался молодым. Таким ясным и чистым, как кусок неба, настоящего, виденного Морхольдом за двадцать лет Беды раза три. Второй закрывала глухая повязка. С белым ржущим веселым черепом. Пираты, е-мое. Корсары великого Большого Кинеля. Сухопутные.

По грудь Морхольду. Сухой и весь какой-то скукоженный, с нездоровой желтой кожей. Длинные руки с совсем уж длинными пальцами узких, но сильных ладоней, держали КС-23. Как кроха удерживал это чудище, да еще ровно, Морхольд не особо понимал. Но этот вопрос волновал куда меньше, чем черный зев ствола, практически упершийся ему в нос.

Хотя... сползшие вниз рукава слишком большой для гнома куртки показали предплечья. Крепкие, жилистые и совсем неподходящие для такого коротышки. М-да, ситуевина.

– Дело пытаешь аль от дела лытаешь? – Поинтересовался, чуть качнувшись, ствол. Морхольд выругался про себя. Ну как ствол мог что-то спросить?

– Гуляю, не видно разве? – Он вздохнул. И замер. Потому как куртка на груди гнома чуть оттопырилась, явив взгляду нечто совершенно неожиданное.

Как оно бывает? Вроде бы попал ты по самое не балуй, и выхода нет. Вот прям несколько секунд – и случится что-то необратимое. А потом, внимательнее оценив ситуацию, выход находишь легко и непринужденно. Если вовремя включишь голову. Как сейчас.

– Куба либре? – Морхольд замер, внимательно наблюдая за черным провалом, следившим за ним.

Ствол замер. Дрогнул. Чуть повернул в сторону.

– Патриа о муэрте, блин... – Ствол опустился. Гном поставил оружие прикладом на бетон и почесал грудь. Поскреб пальцами по красной майке. Такой же, какая недавно имелась у Морхольда. С портретом Че. Великого и незабвенного Команданте. – Я в шоке.

– Такая же фигня, – Морхольд выдохнул. Пот по спине все же покатился. – Перекурим-перетрем?

– А то.

* * *

– Вот ты чудак человек... – гном присвистнул, закуривая самокрутку. – А табак у тебя знатный, духовитый.

Морхольд улыбнулся, глядя на него. Парочка поражала. Просто своим наличием. Непохожестью, серьезностью и вообще. Хотя еще час назад он и не думал улыбаться. Не до того стало. А вот сейчас...

Ляля все же оказался мальчиком. Огромным мальчиком, лет пятнадцати. Как и его друг, злобный кроха Зима. Хотя тот казался явно старше. Почему Зима – тот не объяснил, да Морхольду оно и не требовалось. Ему требовалось пройти дальше. И цели он вроде достиг.

Рассказал все. Про то, как еле выжил здесь недавно. Про дорогу к семье. Тут гнома и проняло. Гном хлопнул носом и отвернулся. Морхольд почесал начавшую отрастать бороду и задумался. Задумался о том – кто эти двое.

Мутанты? Ну да. Ни с чего другого не меняет людей таким-то вот образом. Мастер-Бластер, не иначе. Разве что Мастер Зима не лилипут, а просто небольшой. Скромный по разме-

рам. Хотя Морхольд и не удивлялся его атаманству. Ляля не снимал маску, смущался, объяснил Зима. Но и так стало ясно – тому лет совсем мало. Что за жизнь?

Два ребенка – ведь Зиме точно не больше шестнадцати – восемнадцати – живут разбоем и грабежом. Спокойно мордуют и убивают прохожих, хотя порой оказываются вот такими хорошими парнями.

– А вы как тут вообще оказались-то? – он посмотрел на ребят. – А?

Ляля вздохнул и отошел, сел, опершись на дубину, и мелко затрясся плечами. Зима затаился, глаз его разом потух. Гном нахмурился, зло и нехорошо.

– Как-как... побили всех наших. Несколько лет назад. Мы ж кочевали. Туда-сюда, искали где лучше. Тут торговцы встретились, давай рассказывать, что там вот, в Кинеле, город. А сейчас они Кротовку восстанавливают. Ну, а мы шли чуть не от Урала. Обрадовались. А дальше...

А дальше Морхольд знал. Недавно сам рассказывал Даше Дармовой, стоя перед поездом в Кинеле...

* * *

– Да то. – Морхольд поднял свою длинную и явно тяжелую сумку. Что-то лязгнуло внутри. – Когда возле поворота на Тимашево нас осталось десятеро, плевать я хотел на выбор между добром или злом и на то, чью сторону представляю. У Кротовки вот эти самые мужики в спецовках, пропахшие креозотом, маслом, углем, тащили и ремонтировали пути. А на них перла первая часть банды откуда-то со стороны Красного Яра.

Голодные и холодные, больные, мутировавшие, но не люди. Нелюди, девочка. И свой выбор оказалось сделать просто. И каждый его сделал. Когда пришла помощь, нас, тех, кто дышал, оставалось четверо. Шестеро уже остыли. И вокруг, накрошенные, разорванные, посеченные осколками, подыхающие и сгоревшие, лежали еще тридцать голов. Очень опасных и злобных животных.

– Тридцать?!

– Да, тридцать. А через год я услышал про пятьдесят. Тем самым ухом, что только только отошло. В Красном Яру, куда дошел с продырявленной ногой. Дырку мне прижег Лепеха, ИПП наложил Шамиль. Сейчас даже и не знаю, арифметическая прогрессия работает всюю. Ну, как тебе объяснить... эй, земляк!

Топлющий по бурой жиже кинелец обернулся, перехватив удобнее мешок, квохчущий и двигающийся.

– Не помнишь, сколько тогда те десятеро положили у Отрадного?

Мужик почесал затылок, смачно харкнул, прочистил горло и ответил:

– Да чуть ли не сто, земля. Если не больше.

Морхольд повернулся к Дарье:

– Вот такое волшебство и есть арифметическая прогрессия. И сарафанное радио. Те, дикие, или к станции, злые, голодные и больные. Мужики, бабы, подростки. Основной табор остался дальше, им занимались уже не мы. И победили мы, если уж честно, только из-за грамотно выбранной позиции, какой-никакой, но выучки и боеприпасов. И их усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.